

А.А.Синицын

НИЖНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ КОСТЕНОК 14 (МАРКИНА ГОРА) В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

A.A.Sinityn. Lower cultural layer of Kostenki 14 (Markina gora) in relation to problems of the most Early Upper Palaeolithic. The excavations of 1998-99 at Kostenki 14 (Markina gora) obtained important and unusual information for the lowermost cultural layers of the site.

Two horizons of archaeological materials in association with horse bones were distinguished by A.N.Rogachev in 1953 beneath volcanic ash in the humic deposits at the eastern part of the promontory, where the site is located. Cultural deposits were designated by index IV, the same index that was used for denomination of cultural layer in deluvial sediments under the upper humus at central part of the promontory, where volcanic ash had not been identified, although one supposed that lower layers at different parts of the promontory are remains of distinct settlements.

New excavations confirm this supposition, but traditional designation of lower cultural layer was remained till to resolving some problems of stratigraphic correlation. For distinguish the cultural horizons in humic deposits under the volcanic ash on eastern slope from lower cultural layer at the central part of the site, they were designated as IVa and IVb.

Accumulation of horse bones of high density was revealed at IVa layer in 1987 on the excavated area of 3 sq.m about. Any regularity in bones distribution was not distinguished. Taking into account almost total absence of stone assemblage, it was explained as a "kill site", similar with Amvrosievka accumulation of bones. Excavations of 1998-99 did not confirm this interpretation, because all the components of the settlement of long duration were identified on the excavated area: stone and bone artefacts, enormously great number of horse bones, lenses of ash, localities of high degree of accumulation of wood charcoal (fig.3). Almost complete lack of diagnostic stone tools remains the most important obstacle both for interpretation of site structure and for cultural attribution of assemblage. This feature seems to be very unusual for the palaeolithic sites of Kostenki area.

Radiocarbon dates of 33 and 34 kyr for charcoal samples from IVa appears to be a bit rejuvenated because the age of overlying tephra is estimated at 35 kyr.on the background the correlation with one of the eruptions of Campi Flegrei volcanic system in Italy.

The stratigraphic position of IVb cultural horizon was precisely defined only at 1999. Cultural and faunal remains lies in the schistose colluvial sediments, without any doubt in secondary position. The most important is the relatively great collection of stone and bone artifacts from this layer, the most part of which were located in small depressions of natural origin at the base of the schistose sediments.

The principal significance has a bone assemblage, which includes such things as: horse ribs, one with the polished sloped end, another with artificial linear groove of rectangular section, looks like typical armatured tool of recent palaeolithic periods; mammoth tasks with artificial modifications; points at least of two types, bone and antler mattocks. The most important is the rod from mammoth task with liner decoration. Taking into account the radiocarbon date of 37 kyr for this layer it is the most ancient manifestation of decorative art in East Europe.

Stone assemblage is characterised by the association of blade technological method, some end-scrapers, burins, splintered pieces, and bifacial tools of different forms.

Also a principal meaning has a identification of third, the lowermost in the sequence, cultural horizon in the deposits of black humus beneath of the schistose colluvial sediments with IVb assemblage. It was represented by lenses of red-brick burned loams on the surface and inside the black humus. The most probable interpretation of these features seems to be its explanation as a remains of real hearth *in situ*, located on complicated part of ancient microrelief, probably the bank of the river. Although archaeological collection of this horizon is not large, it contain some burins, splintered pieces and a mattock on mammoth task.

The excavation of 1998-99 at Markina gora put in evidence some problems in relation both with stratigraphic and with cultural explanation, the most important of which is the problem of the definition of taxonomic position of archaeological assemblages in the context of the European Early Upper Palaeolithic.

The basic point for them is the chrono-stratigraphic position of lower layers of site under volcanic ash, the deposition of which took place at 35 kyr. This age is taken into consideration as a upper chronological limit of materials under discussion.

The traditional representation of Early Upper Palaeolithic stage of European perodization is the binary organized system of oppositions, one of which is the Aurgnatian technocomplex. The most common point of view is the intrusive nature of Aurignatian, outside from aboriginal lines of evolution. In contrast, the local components of the opposition, according to the most widespread idea,

have both local ancestor and also local descendants. They represent a relatively discrete parts of local evolution sequences, as rule, unilinear. These are Chatelperronian, Uluzzo, and Szeletian cultural entities. Early Upper Palaeolithic for narrow local (Moravian) part of Central Europe has a trinomial structure as a system of oppositions of Aurignacian-Szeletian-Bohunician industries. Early Upper Palaeolithic of vast East European area for the moment has well documented representation only at Kostenki-Borschevo region, where it looks like an opposition of Streletskaia culture and particular industry distinguished as Spitsynskaia culture. Although both Aurignacian and Gravettian affiliations of the last were manifested, it does not appear to be well-grounded. In spite of distinct, sometimes opposite, positions, the problem of the origin of Streletskaia traditions has a real background for its development on the base of principles of linear gradual evolution. The problem of the origin of Streletskaia industry is impossible to be formulated, because of the absence of any Mousterian attributes.

The taxonomic position of lower cultural layers of Markina gora is appreciated by means of limitation the system of connections and relations inside of which it may be incorporated as part of this system. The most important for this aim appears to be the identification in distinct parts of the continent, in the chronological framework 36-45 kyr, a number of sites of Upper Palaeolithic affiliation, but outside of traditional (aurignacian-chatelperronian-szeletian-streletskaia) EUP attribution. According to authors of research, at least of part of them, the most significant feature for distinguishing the taxonomic position of these assemblages is both its isolation from local Middle Palaeolithic antecedents, from the eventual transition industries, and also from local successors. This feature seems to be the most important for complex diagnostic, although it is an indicator of logical, but not of empirical nature.

Nevertheless, some technological attribute, common for this association appears to be possible to distinguish.

In spite of a very variable structure of assemblages, one diagnostic attribute of complex associations (compositions) seems to be common: it is the blade-levallais or/and quasi-levallais both bipolar and unipolar method, and pointed blade with non-parallel, convergent sides (or divergent as a bi-product of the same method), as its result and as a principal blank for tools manufacture. Having been distinguished as diagnostic feature for Bohunician and Boker-Tachtit industries, it can be used as a technological indicator for their association with a set of industries of waste area of northern hemisphere, distinguished under the titles of Initial Upper Palaeolithic for East Mediterranean (Nazlet Hater 4, Ucagizli, Canal, Umm el Tlell) and Kara-Bom stratum / layer, bed/ for North-Central Asia.

It is worth to mention in this connection that the most ancient for the moment human remains of modern type were distinguished in association with assemblage with well-represented levallais component (Skhul, Tabun and particularly, Taramasa 1).

According to stratigraphic and radiocarbon evidences, the sites, associated with this stratum-entity, have a more ancient chronological position than Aurignacian technocomplex, the basic component of the binary organized system, traditionally distinguished as Early Upper Palaeolithic epoch or the stage of general periodization.

The distinguishing of the stage of Intermediate Upper Palaeolithic as a unity of general periodization have two principal logical reasons and two empirical backgrounds. It has to be defined for the following reasons: 1) as an opposition of complex but dis-local structural organization of Middle Palaeolithic World from one side, and from the other side as an opposition of successive stage of traditional binary organized Early Upper Palaeolithic; 2) as a taxonomic entity of special structural kind which represent the association of: a) classic mousterian varieties, in local perspectives manifested evolutionary sequences to Upper Palaeolithic (MTA-Chatelperronian, mousterian leaf-point industries –Szeletian, vague line to Streletskaia), b) assemblages with Upper Palaeolithic tool-kit based on levallais and quasi-levallais method, that have a cross-continental distribution, but are represented by great number of small particular unities, such as Bohunician, Boker-Tachtit – Ucagizli –Kanal, Kara-Bom-, Makarovo. Some of them have a very promoted appearance, at least in some components. The best examples of last are Етінлієв 17 (II) and Kostenki 14 (IVb), decorations of one and bone industry of other have a most close analogies in developed more recent palaeolithic cultures.

The most complicated problem are the position of Bachokirian and Kostenki 12 (II) assemblages, and sites of Shlyakh-Belokuzminovka tradition. The first may be explained as an initial manifestations of Aurignacoid technocomplex, or as arising of the new line of development. The attribution of the second depend from its relation to so-called East-Micoquian from the one side and to Zagros mousterian from the other.

Upper chronological limit of Intermediate Upper Palaeolithic is defined at the level of 35-37 kyr, with possible local fluctuation in both directions. The problem of the lower limit seems to have being remained open, although there are some reasons to incorporate in this system assemblages of seclinian entity of the age of 100 kyr about.

The term Intermediate Upper Palaeolithic appears to be more convenient for designation the content of cultural processes of the period under discussion. Spread term of Initial Upper Palaeolithic seems to be in opposition to main feature of this complex that do not have an evolutionary connection in traditions of successive period. Also it is not a transitional cultural entity for the same reason.

Lower cultural layers of Markina gora, at first IVb cultural horizon, which obtained sufficiently enough for diagnostic stone and bone assemblage, may be estimated as a one of manifestations of cultural evolution inside of the relations system of Intermediate Upper Palaeolithic as a particular epoch of archaeological periodization.

Специфической чертой палеолитических памятников Костенковско-Борщевского района является то, что индивидуальные особенности каждого из них преобладают над показателями, сближающими их с палеолитическими памятниками других областей. Аналогии типа Костенки 1 (I слой) – Авдеево и, в меньшей мере, стрелецкие памятники – Сунгирь – стоянки с двусторонне обработанными наконечниками с вогнутым основанием представляют собой

исключительные явления, подчеркивающие общую специфику палеолита Костенок.

Маркина гора (Костенки 14) (рис. 1) получила свою известность, в первую очередь, благодаря уникальному погребению «негроида» и необычному комплексу инвентаря II культурного слоя (Рогачев, 1957; Рогачев, Синицын, 1982; Sinitsyn, 1996). На настоящий момент, костяной инвентарь II культурного слоя дает древнейшие, достоверно да-

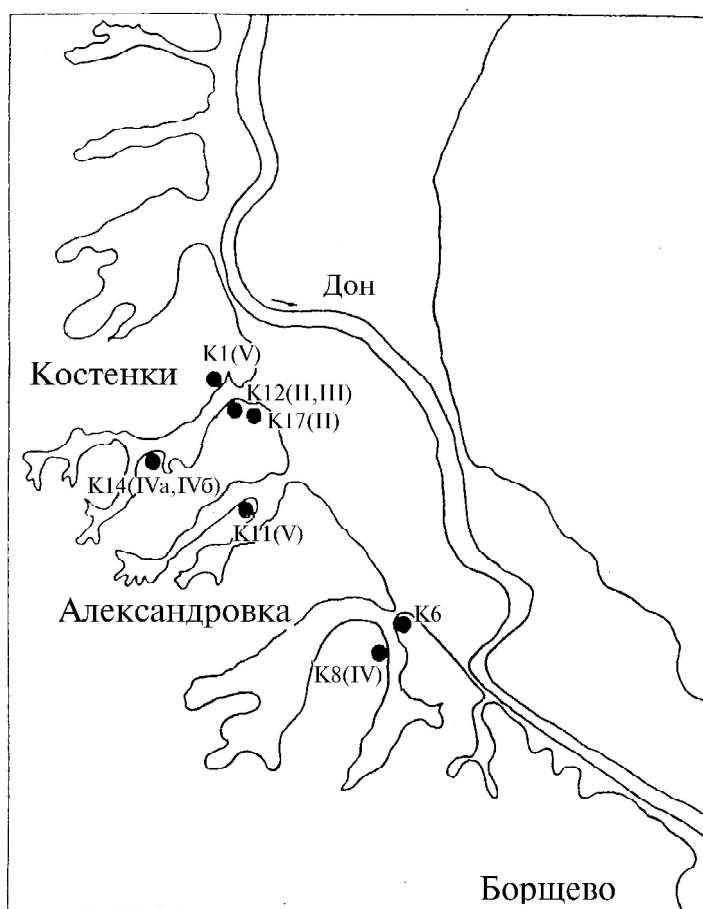

Рис. 1. Костенки 14 (Маркина гора) среди стоянок I хронологической группы Костенковско-Борщевского района (35-40/?/ тыс. лет до н.д).

тированные образцы фигуративного искусства палеолита Русской равнины (Абрамова, 1999), а погребение, после получения радиоуглеродных дат $30\ 080 \pm 590/550$ (GrN-21802) и $31\ 760 \pm 430/410$ (GrA-13288) для III культурного слоя, под которым оно находилось, дает остатки самого древнего человека современного физического облика Восточной Европы. Заключение Г.Ф.Дебеца (1955) и,

особенно, эффектный облик скульптурной реконструкции М.М.Герасимова (1955: 216), способствовали его привлечению к различного рода обобщениям, вплоть до признания «протоавстралоидной» расовой принадлежности древнейшего человека современного вида вообще (Малолетко, 1997), хотя сама реконструкция далеко не является бесспорной (Якимов, 1961; Yakimov, 1980).

I. Материалы.

О том, что под этими, для Восточной Европы достаточно древними верхнепалеолитическими слоями, залегают другие культурные отложения, причем на отдельных участках памятника представленные несколькими горизонтами, было известно только то, что они существуют (Рогачев, 1957: 85).

Исследования 1987 и 1998-99 гг. были направлены именно на их исследование и привели к получению во многом неожиданных результатов.

Сложность состоит в том, что все культурные отложения на памятнике, залегающие под отложениями верхней гумусовой толщи, А.Н.Рогачевым были обозначены одним индексом IV, допуская при этом их принадлежность разным поселениям.

В центральной части мыса IV культурный слой залегал в делювиальных отложениях, непосредственно под верхней гумусовой толщей. Отложения маркирующего для Костенок горизонта вулканического пепла и гумусовых отложений под ним здесь зафиксировано не было. В восточной и западной части памятника индексом IV был обозначен культурный слой, приуроченный к отложениям нижней гумусовой толщи под пеплом. А.Н.Рогачев тогда полагал, что и пепел, и нижний гумус в центральной части мыса замещаются делювиальными отложениями, и поэтому нижние культурные слои фигурировали в отчетах и публикациях под одним номером. Сейчас установлено, что эти отложения выклиниваются без каких-либо признаков замещения. Проблема корреляции от-

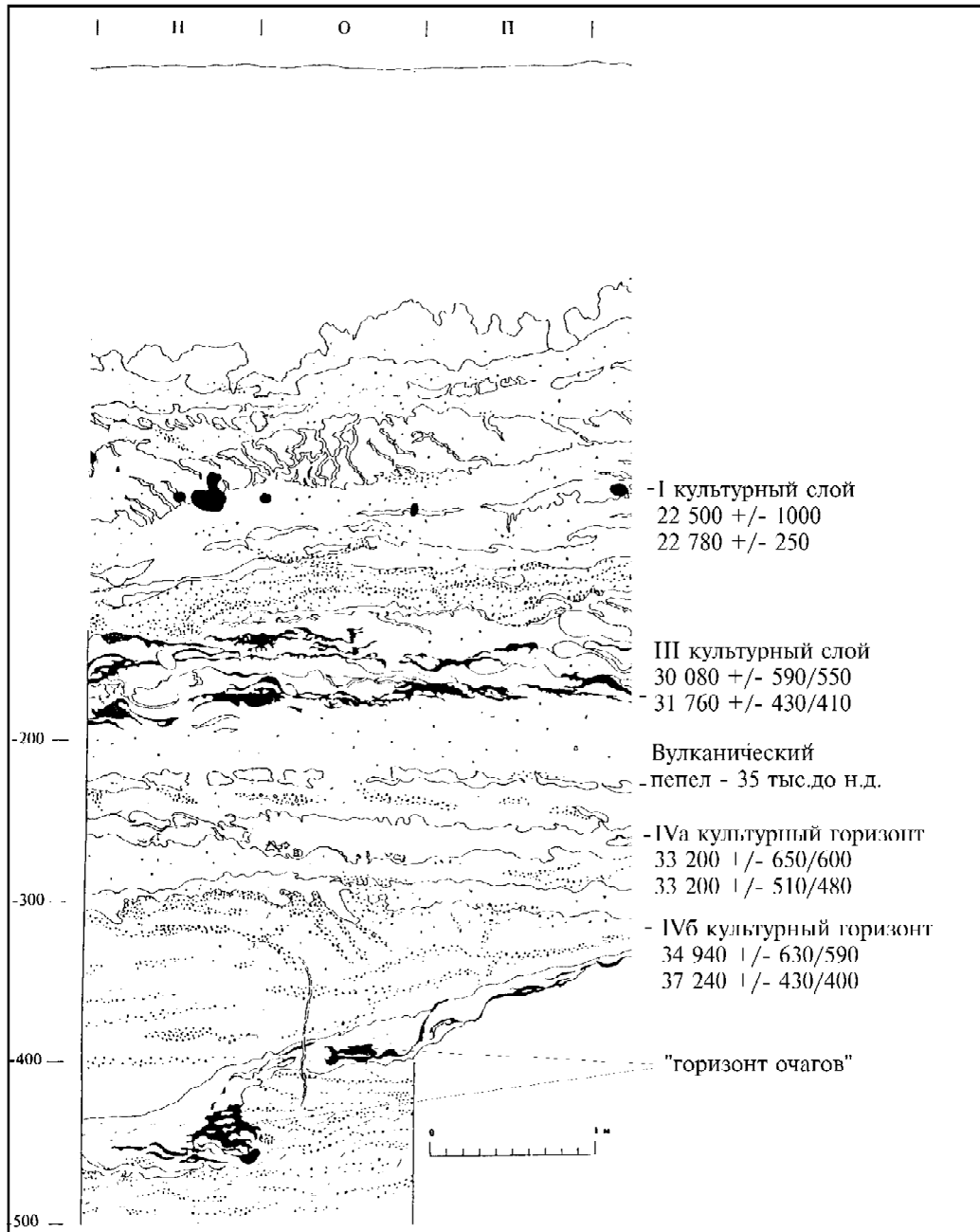

Рис. 2. Костенки 14 (Маркина гора). Стратиграфический срез.

ложений, содержащих остатки нижних культурных слоев, этим самым, становится более сложной, чем это казалось в 50-е годы. Во всяком случае, сейчас наиболее вероятным кажется, что культурные слои, залегающие в отложениях нижнего гумуса на восточном и западном склоне и слой, залегающий в отложениях делювиального суглинка в центральной части мыса, представляют собой остатки разных и разновременных поселений. До работ 1999 г. главная трудность здесь состояла в том, что археологический материал не мог быть привлечен к решению этого вопроса из-за его малочисленности и невыразительности.

Поскольку обозначение нижних культурных слоев памятника получило распространение в литературе и проблема корреляции геологических отложений, вмещающих культурные слои, однозначного решения пока не имеет, традиционная их номенклатура оставлена без изменения. Индексом IV обозначен культурный слой в центральной части мыса, приуроченный к делювиальному горизонту. Культурные отложения, залегающие в гумусированных прослоях исследуемого участка на восточном склоне мыса, обозначены как горизонты IVa и IVб, то есть так, как они были выделены А.Н.Рогачевым в 1953 г. на разрезе протяженностью 1 м. Хотя зафик-

сированная между ними стерильная прослойка негумусированных суглинков достигала 30 см, как отдельные культурные слои они обозначены не были из-за явной тенденции вмещающих их отложений к слиянию.

Раскопками 1998-99 на уровне нижних культурных слоев вскрыто ок. 45 кв.м; протяженность сплошных разрезов достигла 7 м.

В общем виде, на тех участках разреза, на которых разделение культурных отложений было выражено наиболее отчетливо, стратиграфия вскрытого раскопом участка памятника выглядит следующим образом (рис. 2):

- под пеплом залегает горизонт осветленного, слоистого суглинка без находок;

- IVa культурный горизонт приурочен к отложениям лежащего под ним сизовато-бурого, нечеткослоистого гумусированного суглинка. В южном направлении, вверх по склону, слой приобретает признаки, позволяющие рассматривать его как горизонт почвообразования *in situ*, в северном направлении, вниз по склону, отмечается усиление признаков склонового размыва, местами до исчезновения гумусированного прослоя как горизонта;

- ниже залегает светло-серый слоистый суглинок, состоящий из переслаивающихся линз серого суглинка, нитевидных прослоев белесого мергелистого суглинка, и коротких линз меловой щебенки. К среднему уровню слоя, на узко локализованном участке северо-восточной части разреза, приурочено скопление костей мамонта без археологического материала, но залегающее единым горизонтом. Его значение состоит в том, что среди фаунистических остатков как выше-, так и нижележащих слоев подавляюще преобладают кости лошади. В этом же горизонте представлены только кости мамонта. Этот слоистый горизонт формируется на поверхности погребенной почвы с четко выраженным профилем, верхи которой им уничтожены. Культурных остатков в почве не зафиксировано;

- почва подстилается мощным слоистым горизонтом, свидетельствующим о резком усилении делювиального сноса. В рассеянном состоянии внутри слоя встречаются находки IVb культурного горизонта, большая часть, из которых залегает в его нижней части, в линзах сплошной меловой щебенки, заполняющей естественные неровности в его основании, на контакте с подстилающим горизонтом;

- на уровне основания делювиального слоя, на локализованном участке, ок. 10 кв.м фиксируется линза интенсивно гумусированного, черного суглинка с резким, местами ступенчатым, падением поверхности в северо-восточном направлении. Культурные отложения, выделяемые как «горизонт очагов», представлены тремя мощными, четко локализованными, пятнами кирпично-красного обожженного суглинка, включенного в отложения черного гумусирован-

ного горизонта. Их связь с локализованным горением представляется наиболее вероятной;

- фиксируемый черным гумусированным суглинком и перекрывающими его делювиальными отложениями, сложный рельеф поверхности с резким перепадом высот, подстилается слоистыми, сильно опесчаненными, суглинками аллювиально-делювиального характера.

В отложениях под вулканическим пеплом, таким образом, выделяются три гумусированных горизонта, два из которых являются погребенными почвами *in situ*, и три культурных горизонта, проблема интерпретация которых как отдельных культурных слоев допускает варианты и на настоящий момент однозначного решения не имеет.

IVa культурный горизонт представлен на всей вскрытой площади сплошным нагромождением костей лошади. Кроме фаунистических остатков в слое были представлены все основные компоненты, характерные для долговременных поселений: расщепленные кремни, костяные изделия, пятна зольности, участки концентрации древесного угля. Необычным остается практически полное отсутствие законченных кремневых орудий, необходимых для культурной диагностики комплекса.

Первоначально вскрытое на небольшой площади немногим более 3 кв. м, скопление было интерпретировано как место забоя животных, — специфическая разновидность палеолитических памятников, типа Амвросиевского и Солотвейского костяка, наиболее хорошо изученных в палеоиндейских культурах Северной Америки, откуда заимствован и сам термин «kill site». Основанием этому послужило большое количество костей, в расположении которых порядка проследить не удалось, и необычно малое количество расщепленных кремней (8 чешуек и 1 отщеп из промывки) (Sinityn, 1992).

На площади более 40 кв.м, вскрытой в 1998-99 гг., скопление выглядело иначе: в расположении костей была прослежена определенная упорядоченность; были установлены достаточно четко локализованные линзы повышенной концентрации зольности и древесного угля (рис. 3), появились наблюдения, позволяющие предположить наличие конструктивных элементов. Зональность подчеркивалась «разделительными» участками со специфическим расположением костей, причем, скорее всего, сортированных.

Отличительной особенностью коллекции археологического материала горизонта IVa и основанием для интерпретации культурных отложений как функционально специализированной стоянки остается немногочисленность кремневого инвентаря при практически полном отсутствии диагностических форм изделий. В коллекции подавляюще преобладают невырази-

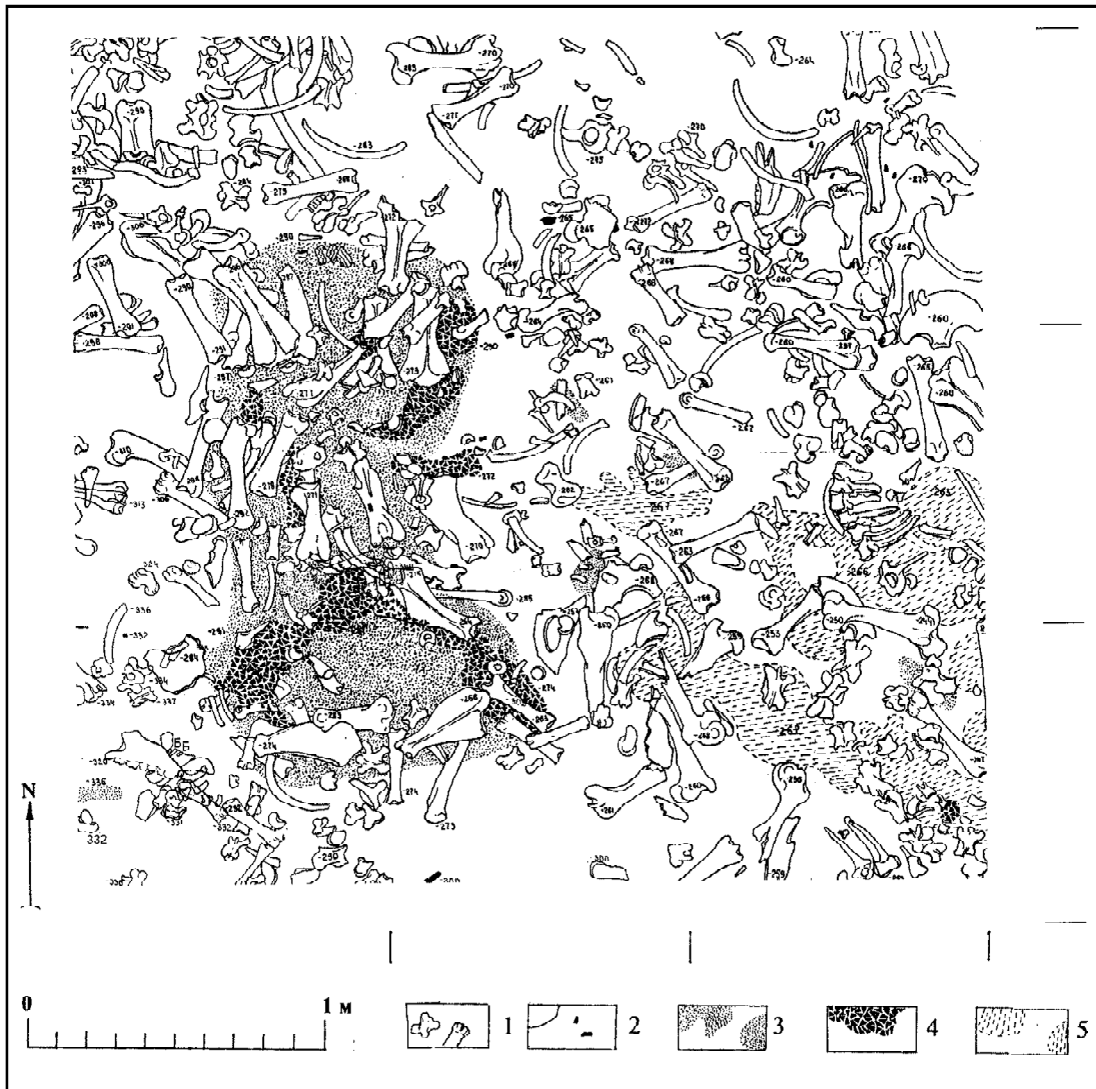

Рис. 3. Костенки 14 (Маркина гора). Фрагмент IVa культурного горизонта. 1 - кости, 2 - кремни, камни, 3 - зоольность, 4 - линзы повышенной концентрации древесного угля, 5 - извесковистой массы.

тельные осколки; из изделий с вторичной обработкой внимания заслуживает двугранный резец с угловым положением лезвия и плоскими поперечными резцовыми сколами на скле оживления площадки нуклеуса коричневой кремнистой породы, и долотовидное орудие на пластинчатой заготовке черного мелового кремня. Наибольший интерес представляет единственный костяной предмет со следами резания. Массивный фрагмент стенки трубчатой кости крупного животного на двух плоских поверхностях несет отчетливо выраженные следы поперечного расчленения (резания), образующие длинные борозды, симметрично расположенные в обеих плоскостях. Необычность находки подчеркивается тем, что это практически единственная кость мамонта в этом горизонте.

Радиоуглеродные даты: $33\ 200 \pm 510/480$ (GrA-13301) и $34\ 550 \pm 610/560$ (GrA-13297), полученные по образцам древесного угля из рас-

копок 1998 г., рассматриваются как верхний предел реального времени существования поселения этого горизонта.

IVb культурный горизонт как отдельная стратиграфическая единица выделен по приуроченности находок к слоистым отложениям, состоявшим из чередующихся ленточных линз рыжего опесчаненного суглинка, светло-серого суглинка, линз меловой щебенки, с многочисленными нарушениями и деформациями. Культурные остатки залежали в них в явно переотложенном состоянии, со значительным разбросом находок по вертикали. Их основная масса была приурочена к естественным западинам, заполненным меловой щебенкой, в основании горизонта.

Коллекция кремневого инвентаря немногочисленна, но достаточно выразительна (рис. 4; 5). Техника первичного расщепления характеризуется наличием пластин средних размеров и пропорций и нуклеусов плоского параллель-

ного, торцового и призматического скалывания. Типологический облик коллекции определяется присутствием скребков, орудий с резцовыми сколами, долотовидных орудий в сочетании с двустороннеобработанными, преимущественно овальными, изделиями, и чопперовидными формами, среднепалеолитического облика.

Особенно выразителен костяной инвентарь коллекции, в частности роговые мотыги, ребро с заполированным до зеркального блеска концом, остря, по крайней мере, двух разновидностей, ребро с искусственно прорезанным продольным пазом, бивни с признаками искусственного расщепления и обработки, бивневый орнаментированный стержень. Присутствие этих изделий в отложениях столь древнего возраста явилось неожиданным, поскольку в совокупности они характерны для значительно более позднего времени. В частности, роговые мотыги и изделия с пазом, традиционно рассматривающиеся как свидетельство

существования вкладышевой техники оснащения костяных орудий, являются типичными для широкого круга финальнопалеолитических культур Европы. Орнаментированный стержень, учитывая пока единичную радиоуглеродную дату IVб горизонта $37\ 240 \pm 430/400$ (GrA-10948), является, на настоящий момент, абсолютно древнейшим свидетельством орнаментального искусства Восточной Европы.

«Горизонт очагов», выделенный в 1998 г. как нижний уровень IVб культурного горизонта, по результатам раскопок 1999 г. интерпретируется как отдельная стратиграфическая единица. Культурные отложения представлены тремя мощными, четко локализованными, пятнами кирпично-красного обожженного суглинка, включенного в отложения черного гумусированного горизонта. Интерпретированные как остатки очагов *in situ*, линзы обожженности были приурочены к стрелкообразному мысовому участку древнего микрорельефа, образованному, скорее всего, на месте слияния двух водных по-

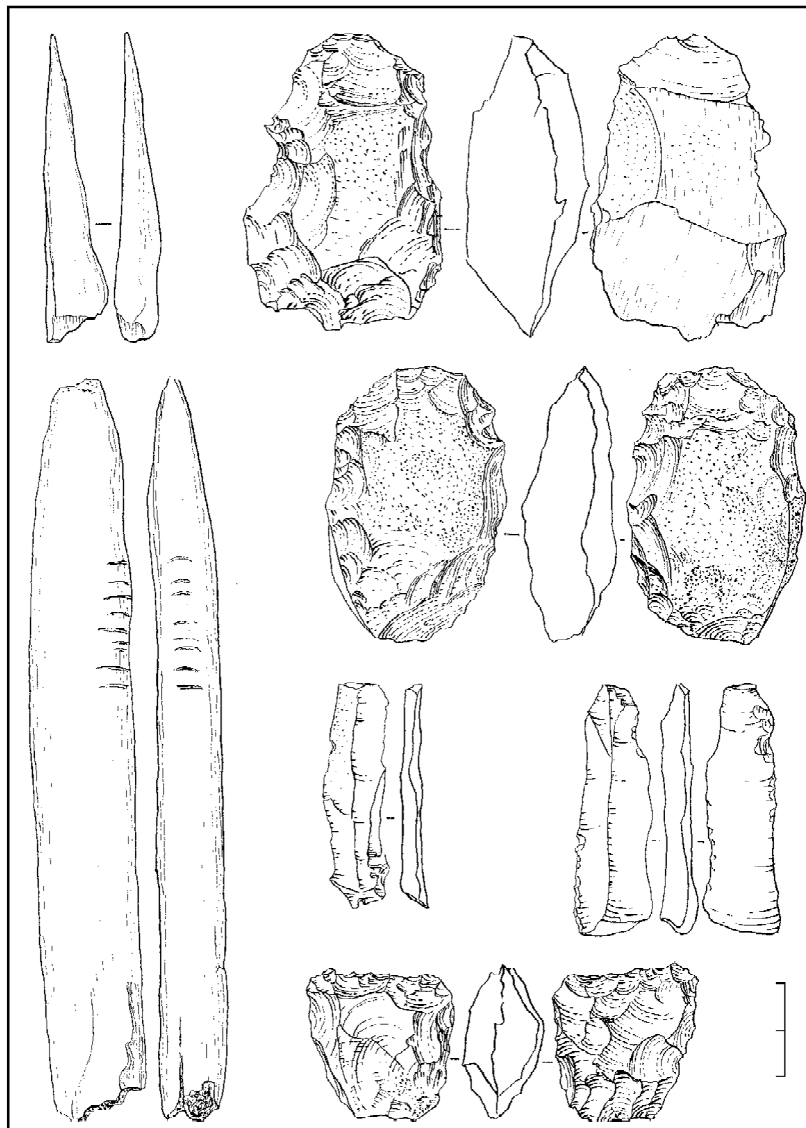

Рис. 4. Костенки 14 (Маркина гора). Костяной (1-2) и кремневый (3-7) инвентарь IVб культурного горизонта.

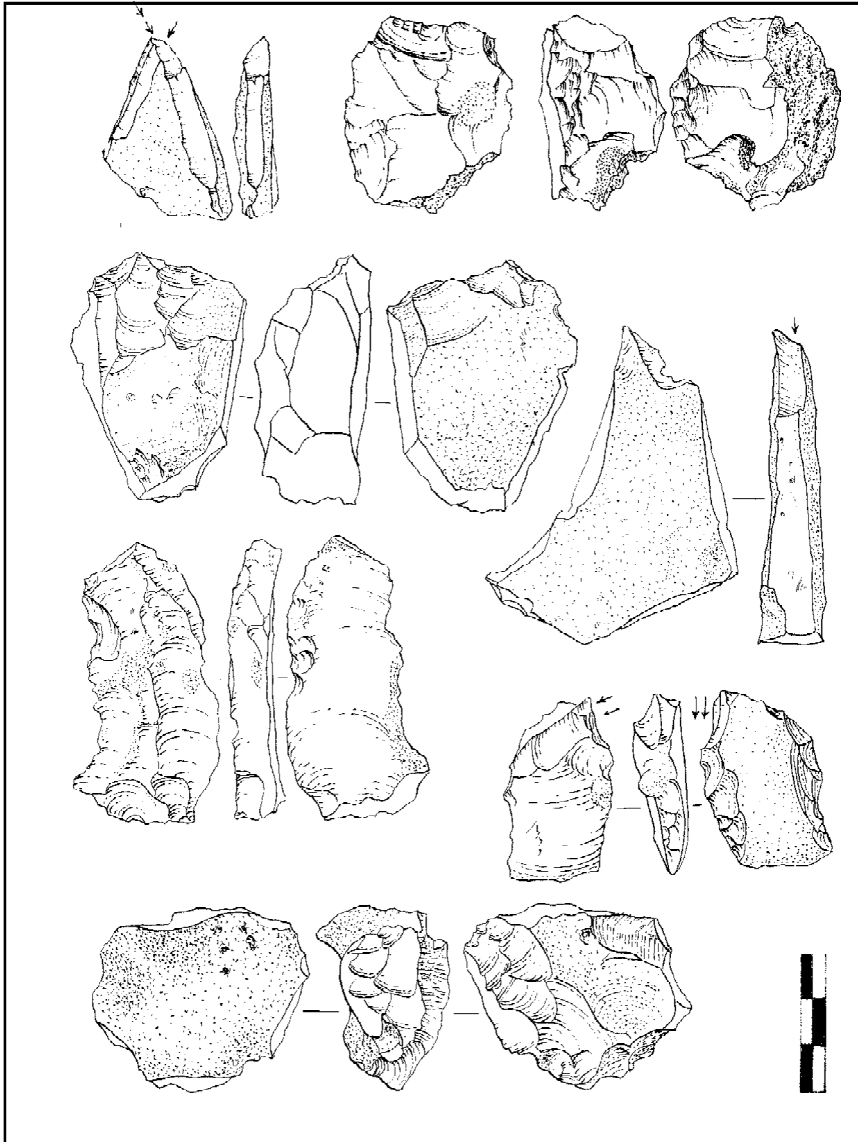

Рис. 5. Костенки 14 (Маркина гора). Кремневый инвентарь IVб культурного горизонта.

токов. Принципиальное значение этого культурного горизонта состоит в уникальной сохранности локализованных бытовых объектов, в таком виде до этого не известных для памятников этого хронологического пласта. Археологический материал горизонта невелик, но присутствие непосредственно в отложениях кирпично-красного обожженного суглинка фрагмента мотыги и долотовидных орудий с желобчатым лезвием, является основанием для сближения комплексов IVб и «горизонта очагов». Наиболее вероятным на момент окончания раскопок 1999 г. является их интерпретация как двух уровней: сохранившего первоначальное положение нижнего и разрушенного и переотложенного верхнего горизонтов одного культурного слоя. При этом не исключаются иные возможные варианты интерпретации их соотношения.

В целом, раскопки нижних культурных слоев Маркиной горы в 1998-1999 гг. привели к от-

крытию нового культурно-хронологического пласта памятников, с остатками достаточно сложно структурированных поселений и необычным для столь раннего времени кремневым и костяным инвентарем. С его открытием уникальный инвентарь нижнего культурного слоя Костенок 17 теряет статус исключительного и получает иной, чем это было до этого, контекст рассмотрения. Более сложным, в свете новых данных, становится вопрос соотношения спицынской и стрелецкой культур, традиционно рассматривавшихся как полярные крайности периода наиболее раннего верхнего палеолита Восточной Европы.

Целью настоящей публикации является не столько введение в научный оборот полученного в результате раскопок материала, сколько определения того круга проблем для решения которых он может быть привлечен и, в свою очередь, направленностью на решение которых должен быть ориентирован его анализ. Исходной является пози-

ция, согласно которой значение материала в рамках научной проблематики определяется контекстом тех связей и отношений, в которых он рас-

сматривается. В одном контексте он может иметь принципиальное значение, в другом будет определен как случайное отклонение.

II. Контекст.

Если считать основным отличием научной формы представления информации возможность ее подачи не в виде набора отдельных фактов, а систематизированном виде, где каждый элемент занимает свое определенное место и выполняет свою конкретную функцию, направленную на поддержание системы, ее целостности, то исходным моментом анализа должно быть стремление к созданию этой системы

Традиционным условием определения контекста материала является определение максимальной хронологической близости памятников. Территориальная близость, обязательная для определения контекста аналогий в археологии более поздних периодов, для доисторической археологии желательна, но не всегда реально осуществима из-за значительно большей отрывочности и фрагментарности источника.

Исходным для определения контекста рассмотрения материалов горизонта IVб, единственного комплекса Маркиной горы, дающего количественно представительный материал, являются два момента: 1) их отнесение к первой, наиболее ранней, хронологической группе костенковской периодизации, верхняя граница которой определяется на уровне 36-37 тыс. лет до н.д.; и 2) необычный, для известных памятников этого хронологического периода, состав археологического материала, один из компонентов которого, костяной инвентарь, имеет необычно «развитый», с точки зрения современных представлений, облик.

Проблемным полем рассмотрения, соответственно, является проблематика раннего этапа верхнего палеолита, которая, в свою очередь, напрямую связана с проблемой перехода от мустье к верхнему палеолиту, являясь ее составной частью.

II.1. Ранний этап верхнего палеолита. Традиционные представления.

Согласно традиционной точке зрения, ранний этап верхнего палеолита, по крайней мере для Европы и Ближнего Востока, представляет собой бинарную структуру, одним из компонентов которой является ориньяк. Для Западной Европы это оппозиция ориньяк-шательперрон, для северного Средиземноморья – ориньяк-улиццо, для Центральной – ориньяк-селет, для Восточной, где древнейший этап верхнего палеолита достоверно установлен только в Костенках, это противопоставление стрелецкой и спицынской культур. Для всех ре-

гионов первый (ориньякский) компонент признается не имеющим местных корней, чуждым, связываемым с приходом инородного населения современного антропологического типа. Второй компонент, наоборот, выводится из местного палеолита предшествующего (мустьерского) этапа, признается отражением плавной эволюции локальных традиций. Сложение верхнепалеолитического компонента связывается с влиянием интрузионного ориньякского компонента, действующего как катализатор процесса лептолитизации. По крайней мере, для Западной Европы, для шательперронской фазы, носителем этих традиций признается человек неандертальского антропологического типа, чаще всего рассматриваемый как тупиковая линия антропогенеза, «сапиентизированная» пришлым ориньякским населением современного физического облика. Трансформация культуры и физического облика рассматриваются если не прямо как два аспекта (следствия) одного процесса, то, как два параллельных явления, взаимосвязь которых этой параллельностью и постулируется. В бинарной структуре признаются два исключения – узкая область Центральной Моравии, где к традиционной для Центральной Европы оппозиции ориньяк-селет добавляется индустрия Богунице, и, также узкая область пустыни Негев, где третьим компонентом оппозиции ориньяк-ахмар выступает «переходная» индустрия Бокер Тахтит. При этом, практически всеми исследователями, касавшимися этой проблемы, отмечается, во-первых, сходство обоих; во-вторых, отсутствие продолжения представленных ими культурных традиций. Состояние проблемы перехода от мустье к верхнему палеолиту определяется комплексным, многофакторным подходом к ее решению, как совокупности отдельных аспектов, в том виде, в котором она была сформулирована в 70-80е годы П.Меларсом и Р.Уайтом (Mellars, 1973; White, 1982). К характеристике ситуации следует добавить, что в рамках ее традиции проблема трансформации культуры находится в тесной связи, если не в зависимости, от проблемы трансформации физического типа человека.

Фактическими основаниями для рассмотрения культурной и антропологической эволюции/трансформации в рамках единой проблемы, до недавнего времени был неандертальский скелет из сл.8 Сан-Сезер (Leveque, 1989) с TL-датировкой 36.3 ± 2.7 тыс. (Mercier, Valladas, 1996), с индустрией шательперронского облика. Привлекаемые данные о неандертальских зубах из Арси и ряда других верхнепалеолитических стоянок используются как подтвержде-

ние идеи о том, что носителем шательперронской культурной традиции был человек неандертальского облика.

С другой стороны, к сапиентным носителям мустьерских традиций Схул и Табун постепенно добавляются свидетельства о их присутствии в мустьерских слоях Абрик Романи (Carbonell, Castro-Curel, 1992) и ст.Тарамса 1, достаточно надежно датированной OSL-серией в пределах 55.5 ± 3.7 тыс.лет (Vermeersch et al., 1998). Даже без привлечения дискуссионных определений остатков из Джебел-Ирхуд и Винды, количество людей современного физического облика в мустьерском контексте сейчас превышает количество остатки неандертальцев в верхнепалеолитических культурных слоях.

Следствием этого может явиться только признание того, что процессы эволюции культуры и физического облика человека имеют разную природу, а проблемы, связанные с их пониманием, решаются по-разному и разными методами. Главное, что их рассмотрение в рамках единой проблемы не способствует решению ни того, ни другого вопроса.

II.2. Современное состояние проблемы. Ревизия.

Характеризуется внесением в ситуацию определенных коррективов, связанных: а) с получением необычно древних датировок для группы памятников обширной территории от Западного Средиземноморья до Прибайкалья; б) с пересмотром традиционных критериев видовой, в первую очередь ориньякской, атрибуции археологического материала.

Возникшие в относительно недавнее время сомнения в относительной древности ориньякского компонента внутри традиционной бинарной системы раннего этапа верхнего палеолита (d'Errico et al., 1998; Zilhao, d'Errico, 1999), даже при том, что они явно тенденциозны, то есть направлены на достижение определенных целей, достаточно убедительны. Принятие основного вывода «ревизии» проблемы об отсутствии, по крайней мере на Европейском континенте, материалов достоверно ориньякской атрибуции древнее 36.5 тыс. лет до н. э. означает: а) лишение ориньякского компонента статуса первичного носителя лептолитизации; б) лишение бинарной структуры традиционно раннего верхнего палеолита (EUP), одним из двух, причем основным, компонентом которой является ориньякский технокомплекс, статуса древнейшей структуры организации верхнепалеолитического мира. Фундаментальную систему обоснования этой позиции, по количеству аспектов лишь немного уступающей количеству переменных системы Меларса-Уайта, нельзя не признать серьезно

обоснованной. По существу, это синтез широко представленных в литературе точек зрения, в разрозненном виде таковыми и остающихся, но в совокупности составляющих целостную концепцию.

Критическая ревизия современного состояния проблемы трансформации мустье-верхний палеолит может рассматриваться как завершающий момент определенного этапа ее развития; может являться и началом нового этапа. Построения, претендующие на статус концепции, кроме фактических и логических оснований, должны быть оценены с точки зрения их эвристических возможностей, способностей к получению нового знания.

II.3. Следствия ревизии. Постановка проблемы.

В том, что традиционное представление раннего верхнего палеолита (EUP) Европы и Ближнего Востока как системы двучленной оппозиции в пределах 36-27 тыс. лет до н.н., соответствует современной фактической базе, сомнений не возникает. В этом виде понятие EUP является реальной периодизационной единицей.

Логическим следствием двух деконструктивных моментов ревизионной позиции, на мой взгляд, должно явиться конструктивное предложение о наличии на более раннем, чем традиционный EUP, этапе верхнего палеолита иной системы организации материала, состоящей из иных компонентов и иным образом упорядоченной. Как минимум два компонента этого этапа: локальные образования верхнепалеолитической атрибуции (шательперрон/улиццо, селет, стрелецкая культура) и дислокальные мустьерские варианты (по крайней мере в виде леваллуазских-нелеваллуазских фаций) являются основой представлений о характере организации материала в его предполагаемых рамках.

II.3.1. Фактические основания.

Наиболее очевидным фактическим несоответствием бинарной организации EUP является индустрия Богунице (Valoch, 1976; 1986; 1989; 1995; Oliva, 1984; 1986; Svoboda, 1986; Kozłowski, 1988). Она представляет собой исключительное для верхнего палеолита явление, по крайней мере, в четырех отношениях. Во-первых, по компактному и чрезвычайно узкому ареалу своего распространения в юго-западной Моравии, в окрестностях Брно. Во-вторых, значением техники леваллуа, и леваллуа-пластинчатой заготовки в формировании ее типологического облика. В третьих, отсутствием генетической связи с культурами как предшествующего, так и последующего хронологичес-

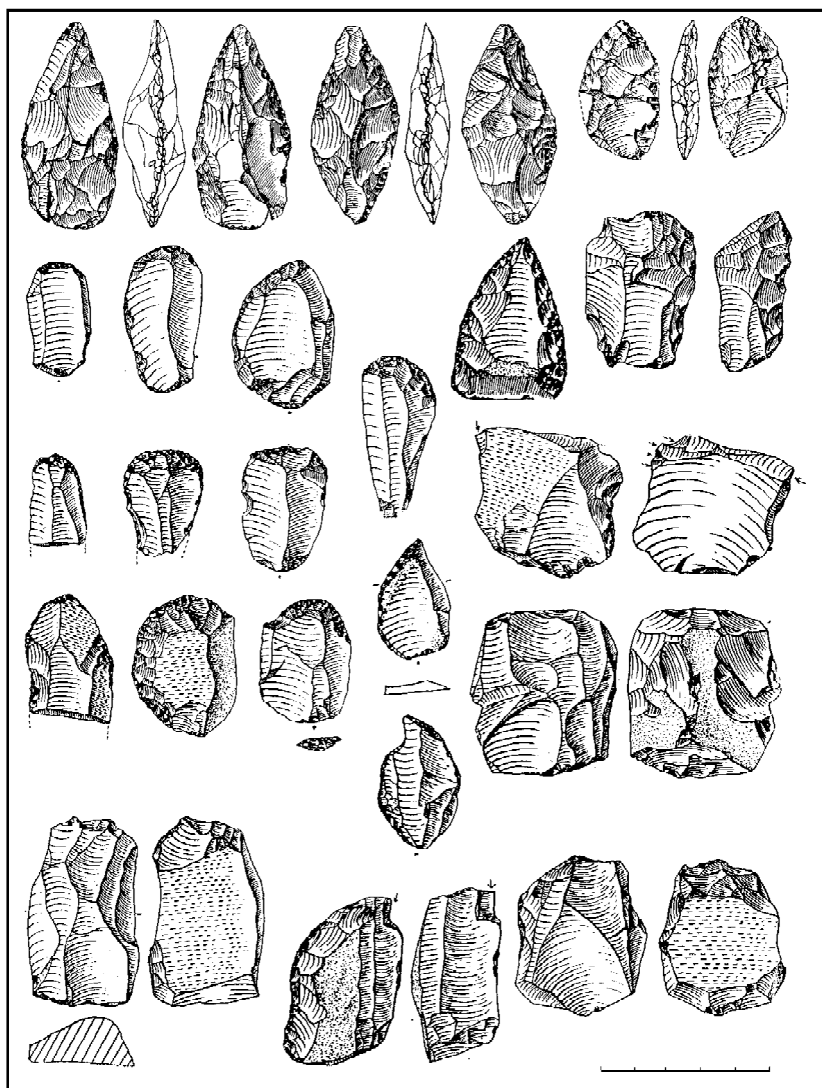

Рис. 6. Брно-Богурнице
(по Valoch, 1976).

кого этапа. В четвертых, необычной для верхнепалеолитической индустрии широтой разброса аналогий – от секлена до хоромуса (Oliva, 1986) и от Кулычовки до абри Марас (Valoch, 1995), – причем аналогий с материалами территорий, достаточно далеких от Моравии. Облик индустрии определяется сочетанием технических принципов леваллуа-пластинчатой технологии, в том числе, в виде, достаточно редкого принципа биполярного встречного скалывания, присутствием листовидных двусторонне-обработанных изделий и достаточно простого, редуцированного, но типично верхнепалеолитического типологического набора (рис. 6).

Среди аналогий богуницкой индустрии особое место отводится материалам ст. Бокер-Тахтит (пустыня Негев, Израиль) (Marks, Kaufman, 1983) (рис. 7), которую признают все европейские исследователи последней, подчеркивая отсутствие в коллекции ближневосточной стоянки двустороннеобработанных листовидных форм. Как и богуницкие в европейском контексте, материалы Бокер-Тахтит хронологически и позиционно выпадают из традиционной би-

нарной структуры ближневосточного EUP, представленной ориньяком и ахмаром (Marks, 1983a,b; Marks, Ferring, 1988), и достаточно долго оставались в относительной изоляции.

Ситуация изменилась с публикацией материалов пещер Учагызлы и Канал в Юго-Восточной Турции (рис. 8), сходных с индустрией Бокер-Тахтит и Богунице как по возрасту ($39\ 400 \pm 1200$ /AA-27994/ и $38\ 900 \pm 1100$ /AA-27995/ до н.д.), так и по основным технико-типологическим показателям (Kuhn, Stiner, Güleç, 1999). При учете специфических особенностей, к этому же кругу памятников может быть отнесена индустрия сл. III2a ст. Ум Ел Тлеел с датами $34\ 530 \pm 750$ (Gif A-93216) и $36\ 000 \pm 2500$ (TL-Gif A-932150) (Bourguignon, 1998). Показательно, что хотя авторами публикаций эти индустрии противопоставляются традиционной для EUP Ближнего Востока оппозиции ориньяк-ахмар, они обозначаются по-разному: «зачаточным верхним палеолитом» (Initial UP) в первом случае и «промежуточным палеолитом» (Paleolithique Intermédiaire) во втором.

Первый из этих терминов используется для

обозначения видовой специфики ст. Назлет Хатер 4 (рис. 9), относимой исследователями к начальной стадии верхнего палеолита Нижнего Египта, с определенной целью – подчеркнуть ее позиционную особенность – отсутствие генетических связей как с кругом локальных позднемустьерских традиций, так и с верхнепалеолитическими материалами последующего хронологического периода (Vermeersch, 1988; Vermeersch, Van Peer, 1988; Van Peer, 1998). Технологически индустрия определяется по содержанию верхнепалеолитическими принципами униполярного параллельного скалывания на основе продольного направляющего ребра, подготовленного дивергентными снятиями. Леваллуа и халфа нуклеусы в коллекции отсутствуют. Типологический облик индустрии характеризуется маловыразительными орудиями с

резцовым сколом и двустороннеобработанными изделиями листовидной и специфической формы.

Из-за того, что наиболее ранние верхнепалеолитические материалы Западной Европы, ориньякская атрибуция которых вызывает сомнения, опубликованы очень выборочно и фигурируют в основном в полемических статьях, их рассмотрение вызывает наибольшие сложности. Единственной основой суждений о их характере остаются суждения авторов публикаций, чаще всего противоречивых, иногда диаметрально противоположных. Учитывая наличие расхождений в точках зрения, этой же качественной особенностью – выпадением из общих эволюционных секвенций – характеризуются разнообразные индустрии начального периода верхнего палеолита Западной Европы,

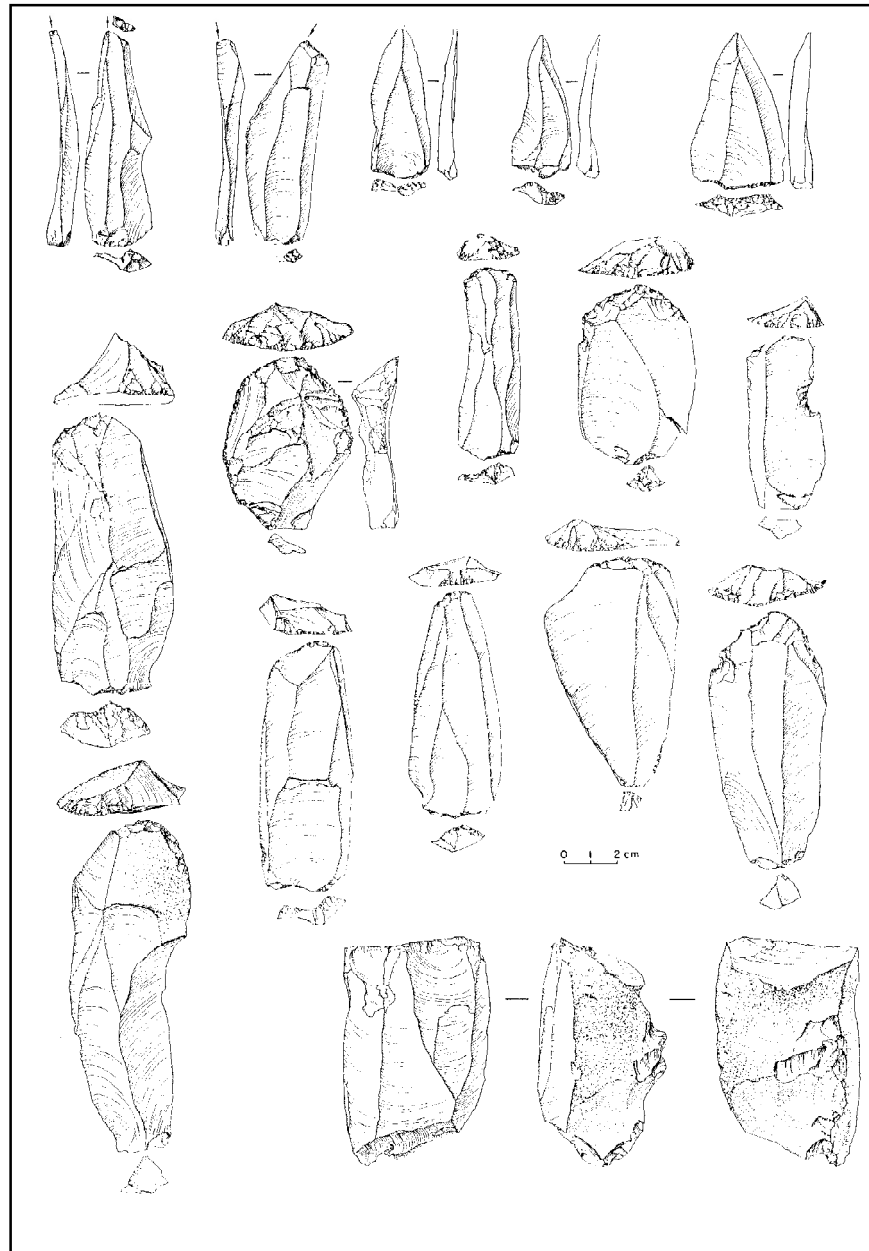

Рис. 7. Бокер Тachtит (IV культурный слой) (по Marks, 1983).

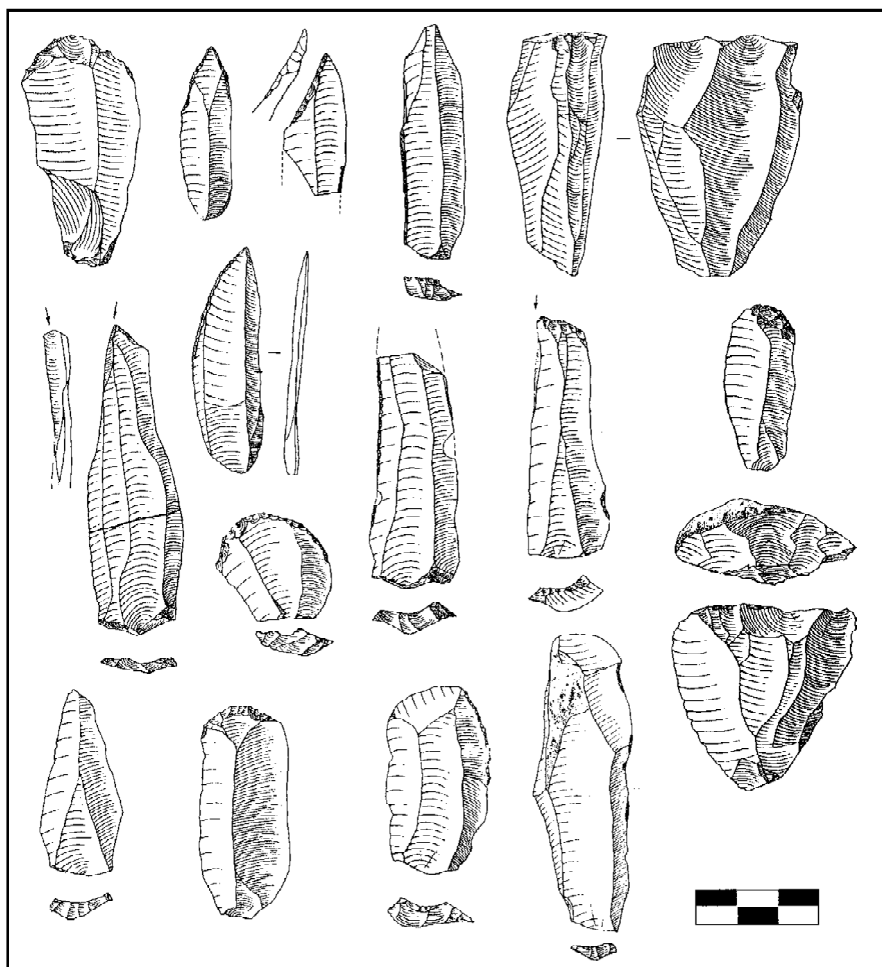

Рис. 8. Учагызлы. Зачаточный верхний палеолит (IUP) (по Kuhn, et al.).

обозначаемые понятиями «проториньяк», «ориньяк 0», «архаический ориньяк», «базальный ориньяк». Такая атрибуция определяется, в первую очередь, отсутствием альтернативных объяснительных моделей за пределами оппозиции ориньяк-шательперрон. На практике из двух возможностей предпочтение, как правило, отдается первой на основе отсутствия в инвентаре стоянок специфических типов шательперронской фиды. При этом практически общепринятым можно считать мнение о отсутствии оснований для их объединения в рамках одного понятия, под одним наименованием, кроме их хронологической позиции (Demars, 1992: 105; Leroyer, Leroi-Gourhan, 1983: 41; Djindjian, 1993: 136).

Аналогичная ситуация складывается в отношении определения видовой принадлежности ряда индустрий юга Центральной и Восточной Европы, таких как Бачо-Киро (XI) (Kozłowski, 1979; 1982), Королево 1 (Ia), Королево 2 (II) (Gladilin, 1989; Gladilin, Demidenko, 1989), Куличивка (Савич, 1975а, б; 1987; 1995; Иванова, Ренгартен, 1975), две первых, из которых, по своему хронологическому положению относятся к начальному периоду верхнего палеолита, последняя, относится к нему только благодаря сложившейся традиции.

Принципиальное значение для расширения круга фактического материала, привлекаемого к раскрытию содержания проблемы перехода от мустье к верхнему палеолиту, является выделение мощного пласта памятников древнейшего верхнего палеолита Северной Азии после получения серийных, неожиданно древних датировок для большой группы сибирских стоянок, в первую очередь для ст. Кара-Бом на Алтае (Goebel, Derevianko, Petrin, 1993; Escutenaire, 1994; Лисицын, Свеженцев, 1997). Для конкретных задач настоящего обзора особое значение имеет то, что обобщение этих материалов привело исследователей к выделению особой структурной единицы древнейшего верхнего палеолита огромного региона под наименованием «карабомовского пласта» (Деревянко, Агаджанян, и др., 1998; Деревянко, Петрин, и др., 1998; Derevianko, Markin, 1999; Derevianko, Petrin, et al., 1999; Otte, Derevianko, 1996). Материалы ст. Кара-Бом привлекли к себе внимание с момента первой публикации (Окладников, 1983) наличием сходства с богуницкой индустрией, особенно в связи с присутствием характерной двустороннеобработанной формы (рис. 10), явления, для палеолита Сибири достаточно

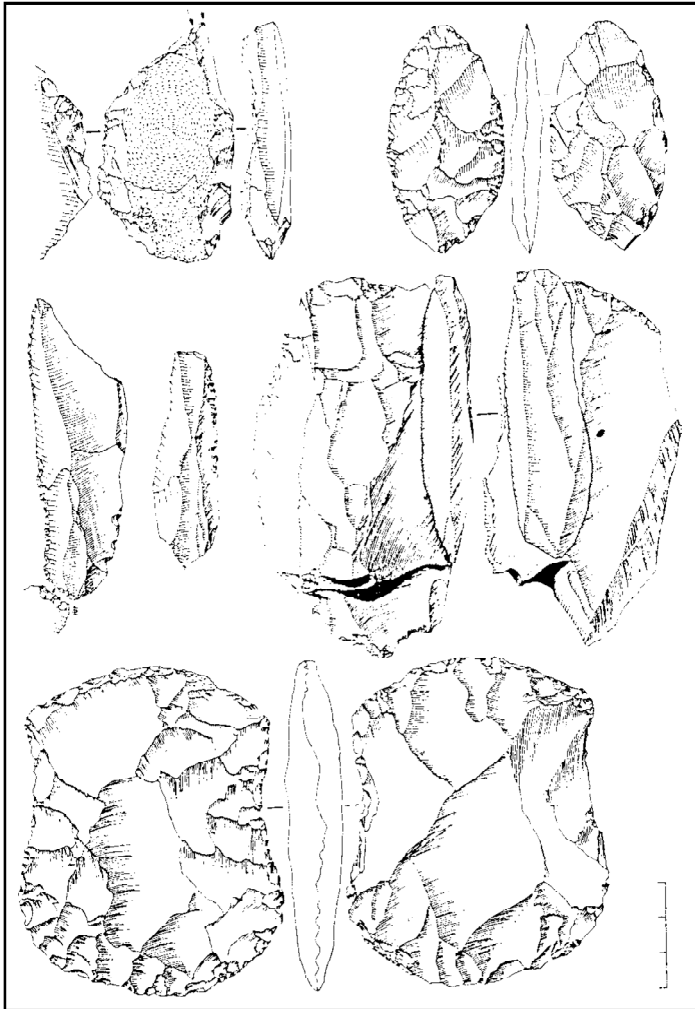

Рис. 9. Назлет Хатер 4
(по Vermeersch, Van
Peer, 1988).

редкого (Абрамова, 1995). Хотя в дальнейших публикациях оно не фигурирует, и для заключений используется только документально стратифицированные материалы, сходство с индустрией богунице получило подтверждение опосредованно аналогией с материалами Бокер-Тахтит.

Особенно удачным для обозначения уровня сходства, установленного для группы древнейших верхнепалеолитических памятников Сибири явилось понятие «пласт», введенное сначала для обозначения группы материалов Байкальской области (Макаровский пласт) (Аксенов и др., 1987), и получившее распространение как «межрегиональная археолого-стратиграфическая система, объединяющая в себе индустриальные комплексы памятников, не относящихся к одной «археологической культуре», но существующих в одно время и обладающих принципиально общими технологическими характеристиками» (Деревянко, Петрин, и др., 1998: 111). В таком определении оно отражает именно тот уровень близости материала, который фиксируется для группы памятников древнейшего верхнего палеолита Европы и Ближнего Востока.

II. 3.2. Логические основания.

Сложившаяся в результате ревизии ситуация представления начального этапа верхнего палеолита Европы и логически выводимые из нее следствия, кратко могут быть представлены следующим образом:

1) выделяется достаточно обширная группа материала, не находящая себе места в традиционной бинарной системе раннего верхнего палеолита (EUP);

2) из двух возможных вариантов выхода из сложившейся ситуации: добавлению третьего компонента в бинарную систему или отделению от нее и рассмотрению в иной системе связей и отношений, предпочтение отдается второму, как более соответствующему совокупности фактических данных, в первую очередь, хронологической позиции стоянок;

3) хронологическая позиция памятников, относимых к этой группе, а также отсутствие продолжения представленных ими культурных традиций, ведет к предположению о принадлежности их более раннему этапу верхнего палеолита, нижняя граница которого определяется на уровне 36-37 тыс. лет до н. э., позиционно

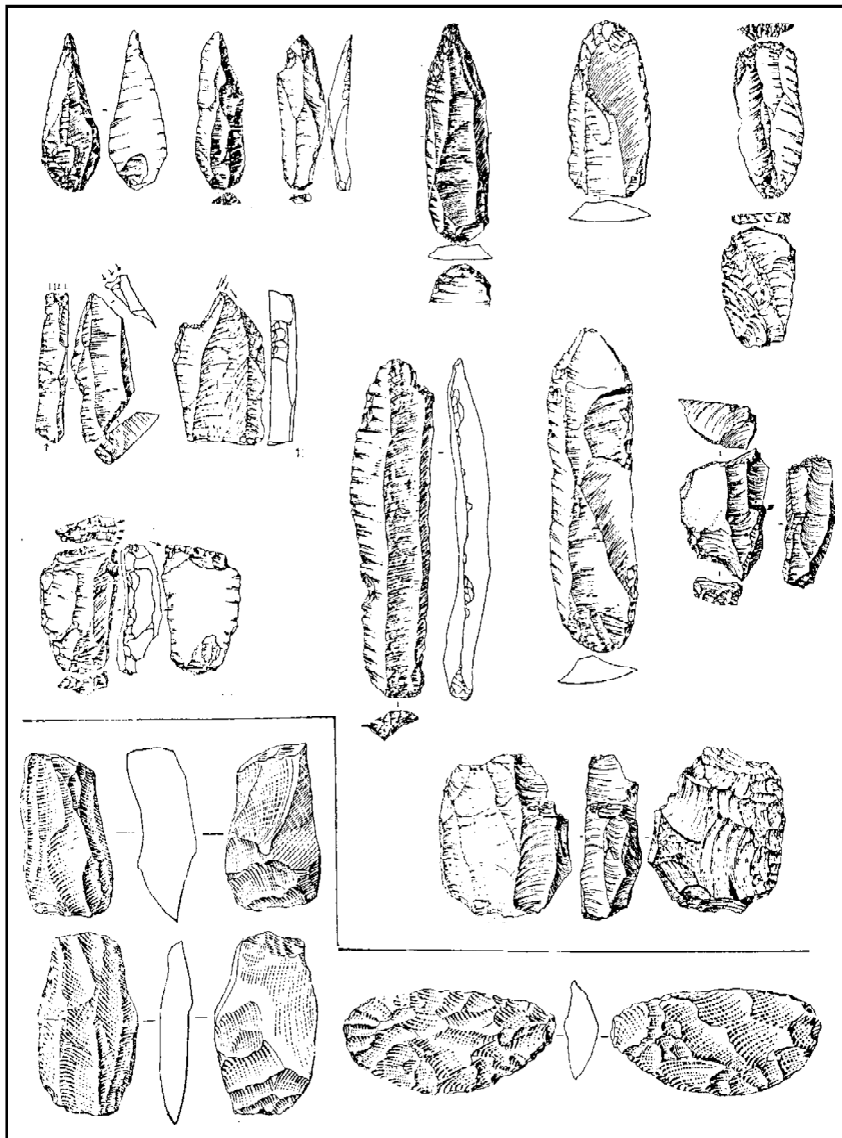

Рис. 10. Кара-Бом. Уровень 6 (по Деревянко, Петрин, 1998) с добавлениями (по Окладников, 1983).

предшествующему этапу EUP;

4) этим определяется выделение в рамках верхнего палеолита периодизационной единицы, предшествующей традиционному EUP;

5) ее содержание определяется сосуществованием: а) мустьерских дислокальных вариантов, б) локальных секвенций верхнепалеолитической атрибуции (шательперрон/улуццо на Западе и круг культур с листовидными острями на Востоке) и в) дислокального явления с леваллуа-пластинчатой и пластинчатой технологией и верхнепалеолитическим типологическим набором;

6) различия в позиционной (периодизационной) атрибуции конкретных памятников могут совпадать, могут и не совпадать с их реальной хронологической позицией. Конечные формы проявления предшествующей системы отношений могут реально существовать одновременно с начальными формами стадильно последующих;

7) большая часть привлекаемых к рассмот-

рению материалов, скорее всего, является конечным проявлением системы отношений, ранние фазы которой, возможно, фиксируются явлением, выделяемым как «забегание вперед» (Вишняцкий, 1993; 1999; Vishniatsky, 1994).

II.4. Номенклатура.

Поскольку обсуждаемые материалы находятся в научном обороте не столь длительное время, однозначная номенклатура их видовой атрибуции пока не сложилась. В последнее время для обозначения рассматриваемого явления и для объединения материалов относимых к нему памятников чаще всего используется термин «зачаточный верхний палеолит» (initial upper palaeolithic или IUP), значительно реже «переходный верхний палеолит» (transitional upper palaeolithic) и «промежуточный верхний палеолит» (intermediate upper palaeolithic, тоже IUP). Оптимальное для ситуации, сложившейся в сибирской археологии,

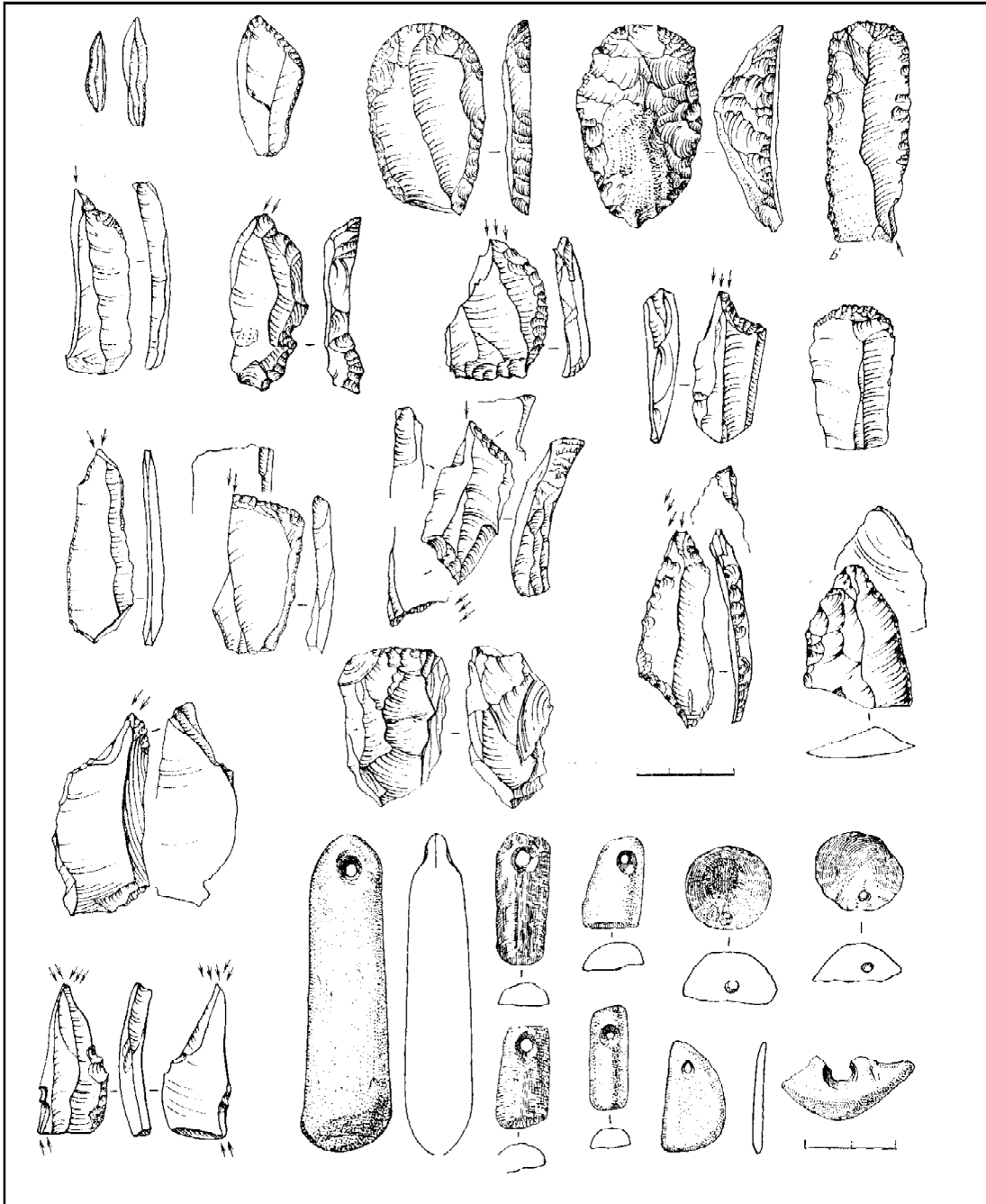

Рис. 11. Костенки 17 (II культурный слой). Кремневый инвентарь, украшения (по Борисковский, 1963).

понятие «пласт» не отвечает ситуации европейского контекста этого явления, который предполагает сосуществование на одном хронологическом срезе (пласте) памятников верхнепалеолитической и мустьерской атрибуции. Из имеющихся вариантов наиболее распространенным является первый (Синицын, 1999б), наиболее соответствующим содержанию явления (отсутствие истоков и продолжения) кажется термин «промежуточный». Допустимо их объединению в рамках общей аббревиатуры IUP препятствует встречающееся употребление термина «intermediate upper

palaeolithic» для обозначения, по сути, переходных индустрий EUP (шательперрон, улццо, индустрии с листовидными формами) (Broglio, 1996: 238). При том, что проблема номенклатуры решается, что называется «исторически», а не декларативно, термин IUP кажется удобным, при учете возможности его употребления как для обозначения «пласта» явления (IUP stratum), или единицы археологической периодизации, так и для обозначения определенной его составляющей – леваллу-лептолитического компонента внутри трехполюсной системы отношений.

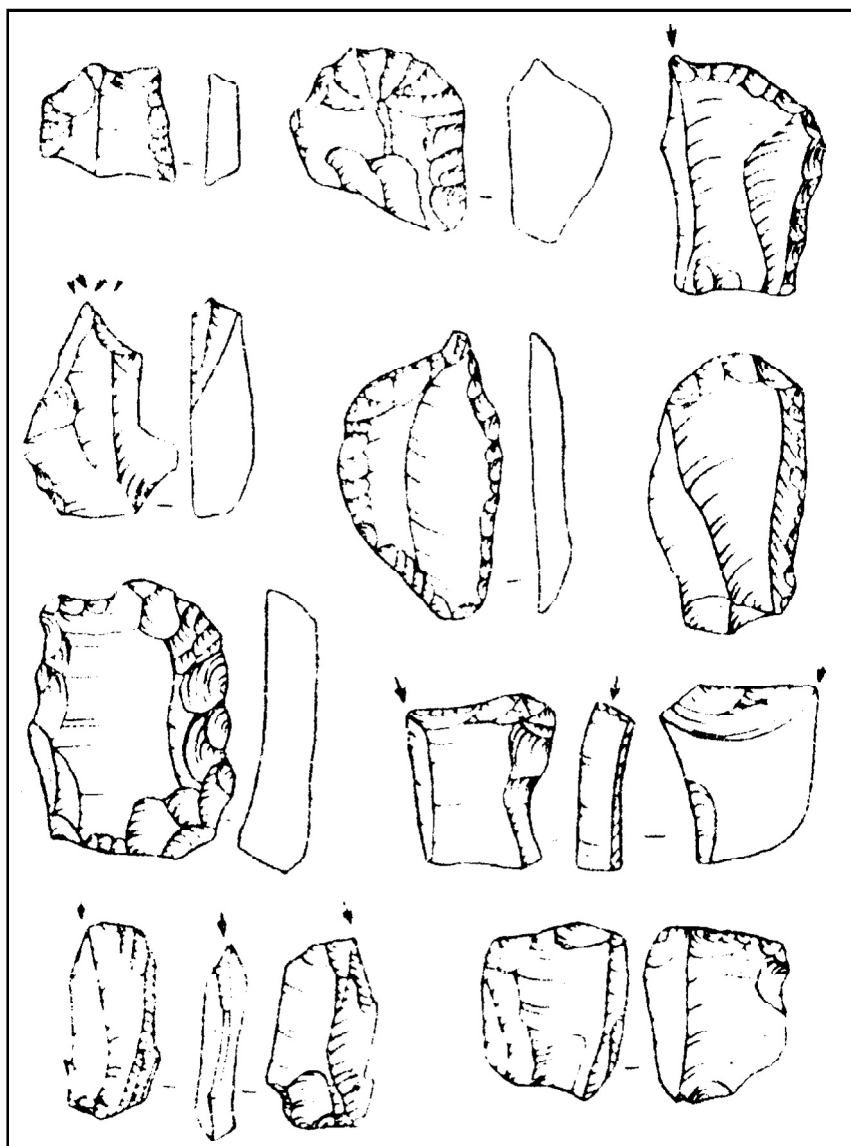

Рис. 12. Костенки 12 (II культурный слой). Кремневый инвентарь. (по Рогачев, Аникович, 1982).

III. Проблема древнейшего этапа верхнего палеолита в костенковском контексте.

Контекст костенковских памятников I хронологической группы определяется сосуществованием двух культурных традиций, первая из которых представлена четырьмя стоянками стрелцкой культуры, вторая – единственной стоянкой II культурного слоя Спицынской стоянки (Костенок 17) (рис. 11). Отнесение к спицынской культурной традиции комплекса II культурного слоя Костенок 12 (Аникович, 1993; 1997) (рис. 12) вызывает сомнения как с точки зрения реальной степени близости материалов, так, и это главное, с точки зрения гомогенности коллекции, ее действительно принадлежности одному комплексу, поскольку его выделение было осуществлено, больше на аналитическом, чем на стратиграфическом основании.

Бинарная структура ранней хронологической группы Костенок сопоставима с европейской бинарной структурой раннего верхнего па-

леолита (EUP). Однако видовая атрибуция индустрии II культурного слоя Костенок 17 остается неопределенной. Из двух имеющихся вариантов ее определения: граветтской Я.К. Козловским (Kozłowski, 1986) и ориньякской М.В. Аниковичем (1993) принадлежностью, оба являются по меньшей мере, натянутыми, больше обусловленными желанием обоих авторов найти в этом материале подтверждение своих построений, чем его реальным содержанием. Сам по себе, факт наличия настолько противоположных позиций является свидетельством уязвимости обоих. Для поставленной задачи существенным является показатель логического плана, позволяющий рассматривать Костенки 14 (IVб) и Костенки 17 (II) в рамках одного круга явлений, противопоставляя их памятникам стрелцкого круга. Обе эти индустрии, в отличие от стрелцких, во-первых, не имеют генети-

ческих связей ни с предшествующими, ни с последующими во времени культурами, то есть ни истоки, ни продолжения их традиций на современном уровне знания не фиксируются, во-вторых, содержат компонент не только не имеющий аналогий в одновременных материалах, но характерный, по современным представлениям, для культур значительно более поздних этапов развития каменного века. Для Костенок 17 (II) это набор украшений и технических приемов их изготовления вполне мадленского вида; для Костенок 14 (IVб) – костяной инвентарь «мезолитического» облика.

С другой стороны, о развитии стрелецких традиций сейчас можно судить достаточно определенно на основании: во-первых, расширения ареала их распространения от бассейна Северского Донца (группа памятников Бирючей Балки) (Матюхин, 1995; 1998; Matioukhine, 1990; 1998) до Предуралья (Гарчи 1); во-вторых, определением верхней хронологической границы их распространения на Русской равнине датами $28\ 750 \pm 795$ (ТУа-941) для ст. Гарчи 1 (Павлов, 1998) и $27\ 700 \pm 500$ для Сунгирьской стоянки (Синицын и др., 1997).

В хронологических рамках 36-27 тыс. лет до н.д. и рассмотренные в общеевропейском контексте, стрелецкие памятники находят место в бинарной организации ЕУР в виде оппозиции: стрелецкая-городцовская культура, как специфический восточноевропейский компонент системы, с одной стороны – ориньяк типа III культурного слоя Костенок 1 как ее общеевропейский компонент, с другой.

Реальный возраст культурных слоев стоянок стрелецкой атрибуции I хронологической груп-

пы костенковской схемы (36-42? тыс. лет до н.д.) не противоречит их стадильной позиции, а только является свидетельством отсутствия жесткого соответствия хронологической и периодизационной атрибуции конкретных археологических материалов.

Комплексы Костенок 14 (IVб) и Костенок 17 (II), в соответствии с предлагаемой моделью, намеченной контекстом общеевропейской перспективы, рассматриваются как позиционно относящиеся к более раннему периоду IUP. Основным фактическим аргументом этому является отсутствие продолжения индустриальных традиций этих стоянок в рамках II хронологической группы костенковской схемы в пределах 32-27 тыс. лет до н.д. Основным логическим аргументом – «развитый», относительно современных представлений, облик их инвентаря, по крайней мере одного из компонентов совокупности — украшений для Костенок 17 (II) и костяной индустрии для Костенок 14 (IVб), что характерно для конечных стадий филетических секвенций, но не для их начальных этапов. Как свидетельство этому можно привести пример наличия деревянной посуды — для палеолита явления уникального – в мустьерском слое Абрик Романи с остатками человека современного типа (Carbonell, Castro-Curel, 1992). Косвенным аргументом более древнего возраста Костенок 14 (IVб), относительно стрелецкого комплекса Костенок 1 (V) может явиться типологическое, скорее всего, и хронологическое сходство почвенного горизонта между IVа и IVб Маркиной горы (рис.2) и почвы, с которой связана стратиграфическая позиция V культурного слоя Костенок 1.

IV. Проблемы теории эволюции в археологии.

Поиск решения конкретной проблемы определения места нижних культурных слоев Костенок 14 связан не столько с интерпретацией фактического материала, вписывающего или не вписывающегося в набор сложившихся в науке представлений, сколько с его ориентацией на развитие этих представлений, исходя из потребностей оценки этого материала. Как для любых новых материалов эти потребности определяются направленностью на получение нового знания.

Поскольку опубликованная в прошлогоднем номере журнала «Stratum Plus» формулировка подхода (Синицын, 1999а) несколько отличается от рукописного варианта, целесообразно повторить ее в первоначальном виде:

«Научное знание развивается, в принципе, двумя основными способами. Первый путь – это когда круг каких-то явлений фиксируется традиционными способами, но из существующих представлений должным образом объяснен быть не может, - это путь парадоксов. Второй – когда необходимость чего-то выводится

из логики существующих представлений, например, о эволюции, функции, структуре..., но на фактическом материале не выделяется, - это путь софизмов. В первом случае требуется поиск новых объяснений; во втором надежды на успех можно связывать только с изменением существующей системы научных ценностей, т.е. понятийного аппарата, методологии и тех связей и отношений, внутри которых прогнозируемые явления могут быть зафиксированы и рассмотрены... На практике имеет значение ориентация: или существующий понятийный аппарат и методология признаются удовлетворительными и проблема сводится к интерпретации; или необходимым признается изменение категорий и методических принципов, поскольку имеющиеся в наличии методы и средства не дают возможности адекватного восприятия материала и эта неадекватность ощущается исследователем».

Проблема перехода/трансформации средний-верхний палеолит, как и любая проблема эпохальных различий, по своей природе софи-

стична. Из того, что на определенном рубеже фиксируется появление качественных различий следует только то, что наука в состоянии их фиксировать средствами своих категорий анализа. Их объяснение предполагает разработку оценочных критериев механизма и, желательно, причин, формирования. Главной проблемой остается проблема теории эволюции, конкретно, проблема определения явления, или круга явлений, результатом действия которых можно было бы объяснить изменения в составе и организации археологических источников, а также, возникновение нового качества.

Все попытки моделирования эволюционных процессов в археологии, даже в тех случаях, когда они претендуют на выполнение экспликативной функции, то есть предполагают наличие в системе научных ценностей вопроса *почему?* (Gilman, 1984; Вишняцкий, 1997), который чаще всего принципиально исключается из научного оборота, так и или иначе ориентируются на биологическую теорию эволюции. Вопросы направленности, соотношения прерывности-непрерывности, линейности-нелинейности... ставятся и решаются в археологии в том виде, в котором они существуют в биологической теории. Само по себе это означает только включение оценочного аппарата археологии в общенаучную систему ценностей и сомневаться в необходимости этого невозможно. Тем не менее, возникновение нового качества глобального уровня, например, возникновение искусства, с позиций биологической модели, или моделей, объяснению не поддается. Возможно, это связано с комплексностью проблемы, все аспекты которой учесть пока

просто невозможно. Нельзя исключать, однако, и принципиальных различий, принципиальной неадекватности категорий анализа биологической эволюции задачам исторической, в том числе, археологической теории.

На настоящий момент альтернатива биологическому моделированию эволюционных процессов существует только в лингвистике, причем круг разнообразия лингвистических моделей ничуть не меньше, чем в биологии. Лингвистика ближе археологии по своей гуманитарной природе, по приоритетам конкретно-научного анализа над всеобщими закономерностями, по принципам организации категориального аппарата и методологии. Главное, в лингвистике поставлен, и имеет различные варианты решения, то есть, поставлен в принципиально научном виде, вопрос о порождающих механизмах эволюции языка и речевого поведения.

Если считать процессы, фиксируемые археологическими источниками, следствием, причем следствием даже не второго порядка, неких процессов, с реконструкцией которых связаны основные задачи археологии, то потребность в разработке теории формообразования в археологии приобретает принципиальное значение.

При исследовании нижних культурных слоев Маркиной горы эта потребность ощущается особенно остро.

Раскопки 1998-99 на Маркиной горе проводились по грантам РГНФ 98-01-18069, 99-01-18097; статья подготовлена в рамках проекта «Палеолит Костенок в контексте палеолита Европы» РГНФ 99-01-00327.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А. 1999. Роль Костенок в изучении палеолитического искусства Восточной Европы. // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках /ред. Аникович М.В., Праслов Н.Д./ СПб., с. 5-6.
- Аксенов М.П., Бердникова М.А., Медведев Г.И., Пержаков О.Н., Федоренко А.Б. 1987. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря «макаровского палеолитического пласта» // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. Иркутск, с. 24-28.
- Аникович М.В. 1993. О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении. // Петербургский Археологический Вестник, 3. СПб., с. 3-19.
- Аникович М.В. 1997. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы. // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. (Материалы Симпозиума «Первичное расселение человечества») /ред. А.А.Величко, О.А.Соффер/ М., с.143-155.
- Борисковский П.И. 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. // МИА, 121. М.-Л., 1963.
- Величко А.А., Рогачев А.Н. 1969. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону. // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969) /ред. И.П.Герасимов/. М., с.75-87.
- Вишняцкий Л.Б. 1993. «Забегание вперед» и развитие палеолитических индустрий: явление и его интерпретация. // Петербургский археологический вестник, 4, с. 7-16.
- Вишняцкий Л.Б. 1997. О предистории и причинах технологических новаций, знаменующих начало верхнего палеолита. // Проблемы археологии каменного века /ред. А.М.Кузнецов/. Уссурийск, с. 30-43.
- Вишняцкий Л.Б. 1999. Новые данные к вопросу о «забегании вперед» в развитии палеолитических индустрий. // «Stratum Plus», 1, с. 275-279.
- Герасимов М.М. 1955. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). // Труды Института этнографии АН СССР, н.с., т. XXVIII. М.
- Дебец Г.Ф. 1955. Палеоантропологические находки в Костенках. // Советская этнография, 1, с. 43-53.

- Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф. и др. 1998. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. 1998. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск.
- Иванова И.К., Ренгартен Н.В. 1975. Материалы к геологии и палеогеографии палеолитической стоянки Куличивка (Тернопольская область УССР). // Бюллетень КИЧП, 44, с. 52-68.
- Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С. 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии. // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы /ред. Синицын А.А., Праслов Н.Д./ СПб., с.67-108.
- Малолетко А.М. 1997. Расовая эволюция Homo sapiens. // Эволюция жизни на Земле. Материалы I-го Международного симпозиума /ред. Подобина В.М./ Томск, с.121-123.
- Матюхин А.Е. 1995. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века. // Российская археология, 3, с. 13-27.
- Матюхин А.Е. 1998. Палеолитические мастерские по обработке кремня в долине Северского Донца (Ростовская область, Россия). // Préhistoire Européenne, vol.13. Liège, pp. 70-115.
- Мелекесцев И.В., Кирьянов В.Ю., Праслов Н.Д. 1984. Катастрофическое извержение в районе Флегрейских полей (Италия) – возможный источник вулканического пепла в позднплейстоценовых отложениях Европейской части СССР. // Вулканология и сейсмология, 3, с.35-44.
- Окладников А.П. 1983. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года). // Палеолит Сибири /ред. Васильевский Р.С./ Новосибирск, с.5-20.
- Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. 1998. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры в северо-востоке Европы. // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. /ред. Э.А.Савельева/. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, вып. 15. Сыктывкар, с. 4-17.
- Рогачев А.Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. // МИА, 59, М.-Л., с.9-134.
- Рогачев А.Н., Аникевич М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. // Палеолит СССР /ред. П.И.Борисковский/. М., с.162-271.
- Рогачев А.Н., Синицын А.А. 1982. Костенки 14 (Маркина Гора). // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований /ред. Праслов Н.Д., Рогачев А.Н./ Л., с. 145-162.
- Савич В.П. 1975а. Позднепалеолитические поселения на горе Куличивка в г.Кременец (Тернопольская область УССР). // Бюллетень КИЧП, 44, с. 41-51.
- Савич В.П. 1975б. Пізньопалеолітичне населення Південно-західної Волині. Київ.
- Савич В.П. 1987. Поздний палеолит Волини. // Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (каменный век) /ред. А.П.Черныш/. Киев, с. 43-65.
- Савич В.П. 1995. Підсумки досліджень пізньопалеолітичних поселень Куличівки у м. Кременці. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волини. Випуск 6. Львів, с. 22-31.
- Синицын А.А. 1999а. Дискуссия. // «Stratum Plus», 1, с.272-274.
- Синицын А.А. 1999б. Верхний палеолит: современное состояние проблемы локальных различий. // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н.Замятина /ред. Попова Т.А., Праслов Н.Д./ СПб., с. 104-106.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. 1996. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы. // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы /ред. Синицын А.А., Праслов Н.Д./ СПб., с.21-66.
- Сорокин В.М. Щербакова М.Н. 1995. Характеристика пепловых прослоев в осадках Адриатического моря. // Вулканология и сейсмология, 3, с.71-80.
- Якимов В.П. 1961. Население Европейской части СССР в позднем палеолите и мезолите. // Вопросы антропологии, 7, с. 23-28.
- Abramova Z.A. 1995. D'Asie en Amérique: l'industrie bifaciale soviétique au Paléolithique. // Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale. Actes du colloque: «Les premières découvertes de Paléolithique à Miskolc et la question des industries à pièces foliacées de l'Europe centrale dans leur cadre chronologique, paléocologique, paléontologique» (Miskolc, 1991) /eds. Boussat Ch., Chadelle L.-P./ Paléo, suppl., 1, pp. 235-240.
- Amirkhanov H.A., Anikovich M.V., Borziak I.A. 1993. Problème de la transition du Moustérien au Paléolithique supérieur sur la territoire de la Plaine Russe et du Caucase. // L'Anthropologie, t. 93, n. 2-3, p. 311-330.
- Anikovich M. 1992. Early Upper Paleolithic industries of Eastern Europe. // Journal of World Prehistory, vol.6, n.2, p.205-245.
- Anikovich M.V. 1999. The formation of upper paleolithic cultures and anatomically modern humans: the East European perspective. // Anthropologie, XXXVII/2, pp.115-123.
- Bourguignon L. 1998. Les industries du Paléolithique intermédiaire d'Umm el Tleil: nouveaux éléments pour le passage entre Paléolithique moyen et supérieur dans le Bassin d'El Khown. // Préhistoire d'Anatolie. Genèse des deux mondes. Actes du colloque international /ed/ Otte M./ ERAUL, 85. Liège, pp.709-730.
- Broglio A. 1996. The appearance of Modern Humans in Europe: the archaeological evidence from the Mediterranean regions. // XIII International Congress of IUPPS. Forli-Italia, 1996, Section 5: The Lower and Middle Palaeolithic. Colloquium X: The origin of modern man /eds. Bar-Yosef O., Cavalli-Sforza L.L., March R.J., Piperno M./ Forli , pp.237-249.
- Carbonell E., Castro-Curel Z. 1992. Palaeolithic wooden artefacts from the Abric Romani (Capellades, Barcelona, Spain). // Journal of Archaeological Science, vol.19, n. 6, pp. 707-719.
- Degorce J.-P. 1991. Sur une corrélation possible entre le biface et la technique levallois. // Bulletin SPF, t.89, n. 8.
- Demars P.-Y. 1990. Les interstratifications entre Aurignacien et Châtelperronien à Roc-de-Combe et au Piage (Lot). Approvisionnement en matières

- premières et position chronologique. // Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe. Ruptures et transitions: examen critique des documents archéologiques (Actes du Colloque international de Nemours, 1988) /ed. Farizy C./ Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile de France, n. 3, pp. 235-239.
- Demars P.-Y. 1991. Évolution humaine, évolution culturelle: l'exemple du Paléolithique Européen. // Aux origines d'Homo Sapiens /eds. Hublin J.-J., Tiller A.-M./ Paris, pp. 331-363.
- Demars P.-Y. 1992. L'Aurignacien ancien en Périgord. Le problème du Protoaurignacien. // Paléo, 4, pp. 101-122.
- Demars P.-Y., Hublin J.-J. 1989. La transition neandertaliens/homme moderne en Europe occidentale: aspects paléontologiques et culturelles. // L'Homme de Néandertal, vol 8. La Mutation. Liège, pp. 23-37.
- Derevianko A.P., Markin S.V. 1999. The Middle and Upper Palaeolithic of the Altai. // Quaternary of Siberia / eds. Chlachula J., Kemp R.A., Tyráček J./ Anthropozoikum, 23, pp. 157-166.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Nikolaev S.V., Rybin E.P. 1999. The Kara Bom site: Mousterian to the Late Palaeolithic evolution of the lithic industry in the Altai. // Quaternary of Siberia /eds. Chlachula J., Kemp R.A., Tyráček J./ Anthropozoikum, 23, pp. 167-180.
- Djindjian F. 1993. Les origines du peuplement Aurignacien en Europe. // Actes du XIIe Congrès International de Sciences Préhistorique et Protohistorique. 1991. Bratislava, pp. 136-154.
- d'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. 1998. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation. // The Neanderthal problem and the evolution of human behavior. Special issue of Current Anthropology, vol. 39, suppl., pp. 1-44.
- Escutenaire C. 1994. La transition Paléolithique moyen/ supérieur de Sibérie. Premier partie: les données. // Préhistoire Européenne, vol 6, pp. 9-76.
- Gilman A. 1984. Explaining the Upper Palaeolithic Revolution. // Marxist perspectives in Archaeology / ed. Spriggs M./ Cambridge, pp. 115-126.
- Gladilin V.N. 1989. The Korolevo palaeolithic site: research methods, stratigraphy. // Anthropologie (Brno), XXVII/2-3, p 93-103.
- Gladilin V.N., Demidenko Yu.E. 1989. Upper Palaeolithic stone tool complexes from Korolevo. // Anthropologie (Brno), XXVII/2-3, p. 143-178.
- Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. 1993. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic transition at Kara-Bom. // Current Anthropology, vol. 34, n. 4, pp. 452-458.
- Kozłowski J.K. 1979. Le Bacokirien – la plus ancienne industrie du Paléolithique supérieur en Europe (Quelques remarques a propos de la position stratigraphique et taxonomique des outillage de la couche 11 de la grotte Bacho-Kiro). // Middle and Early Upper Palaeolithic in Balkans. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, DXXIV, Prce archeologiczne, z. 28. Kraków, s. 77-99.
- Kozłowski J.K./ed./ 1982. Excavation in the Baco Kiro Cave (Bulgaria). Final Report. Warszawa.
- Kozłowski J.K. 1992. The Balkans in the Middle and Upper Palaeolithic: the gate to Europe or a Cul-de-sac? // Proceedings of the Prehistoric Society, vol. 58, pp. 1-20.
- Kozłowski J.K. 1986. The Gravettian in Central and Eastern Europe. // Advances in World Archaeology, vol.5, pp.131-200.
- Kozłowski J.K. 1988. Transition from the Middle to the Early Upper Paleolithic in Central Europe and the Balkans. // The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the near East /eds. Hoffecker J.F., Wolf C.A./ BAR. International Series, 437. Oxford, pp. 193-235.
- Kozłowski J.K. 1996. Cultural context of the last Neanderthals and Early Modern Humans in Central-Eastern Europe. // XIII International Congress of IUPPS. Forli-Italia, 1996, Section 5: The Lower and Middle Palaeolithic. Colloquium X: The origin of modern man /eds Bar-Yosef O., Cavalli-Sforza L.L., March R.J., Piperno M./ Forlè, pp.205-218.
- Kuhn S.L., Stiner M.C., Güleç E. 1999. Initial Upper Palaeolithic in south-central Turkey and its regional context: a preliminary report. // Antiquity, vol. 73, n. 281, pp. 505-517.
- Laberie J. 1984. Le cadre paléoclimatique depuis 140 000 ans. // L'Anthropologie, t.88, n.1, pp.19-48.
- Lefèvre J.C., Gillot P.-Y. 1994. Datation potassium-argon de roches volcaniques du pléistocène supérieur et de l'holocène: exemple de l'Italie du Sud; application à l'archéologie. // Bulletin SPF, t.91, n.2, pp.145-148.
- Leroyer C., Leroi-Gourhan Arl. 1983. Problèmes des chronologie: le Casrelperronien et l'Aurignacien. // Bulletin SPF, t.80, n.2, pp.41-44.
- Leveque F. 1989. L'homme de Saint-Cesaire. Sa place dans le Castelperronien de Poitou-Carentes. // L'Homme de Néandertal, vol.7. L'Extinction. Liège, pp. 99-108.
- Marks A.E./ed./ 1983a. Prehistory and paleoenvironments in the Central Negev, Israel. Vol. III. The Avat/Aqev area, pt.3, Dallas .
- Marks A.E. 1983b. The Middle to Upper Palaeolithic transition in the Levant. // Advances in World Archaeology, vol. 2, pp.51-98.
- Marks A., Kaufman D. 1983. Boker Tachtit: the artifacts. // Prehistory and paleoenvironments in the Central Negev, Israel. Vol. III, The Avdat/Aqev area, pt. 3. / ed. Marks A.E./ Dallas, pp.69-125.
- Marks A.E., Ferring C.R. 1988. The Early Upper Paleolithic of the Levant. // The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the near East /eds. J.F.Hoffecker, C.A.Wolf/. BAR. International Series, 437. Oxford, pp. 43-72.
- Matioukhine A.E. 1990. Les formes bifaciales d'atelier et de station-ateliers. // Feuilles de pierre. Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur Européen. (Actes du Colloque de Cracovie 1989) / ed. Kozłowski J.K./ ERAUL, 42. Liège, p. 141-162.
- Matioukhine A. 1998. Les ateliers du Paléolithique supérieur de la vallée du Doters-Severski (région de Rostov, Russie). // L'Anthropologie, t. 102, n. 4, pp. 467-494.
- Mellars P.A. 1973. The character of the Middle-Upper Palaeolithic transition in south-west France. // The explanation of culture change: models in prehistory /ed. Renfrew C./ London, pp. 225-.
- Mercier N., Valladas H. 1996. GIF laboratory TL dates for some Middle Palaeolithic sites. // XIII International Congress of IUPPS. Forli-Italia, 1996. Section 5: The Lower and Middle Palaeolithic. Colloquium X: The origin of modern man /eds Bar-Yosef O., Cavalli-Sforza L.L., March R.J., Piperno M./ Forli, pp. 117-125.
- Oliva M. 1984. Le Bohunicien, un nouveau groupe culturel en Moravie. Quelques aspects psycho-technologiques de développement des industries paléolithiques. //

- L'Anthropologie, t. 88, n. 2, pp.209-220.
- Oliva M. 1986. From the Middle to the Upper paleolithic: a Moravian perspective. // *The Pleistocene perspective*, vol.1. The World Archaeological Congress. 1986. Southampton & London.
- Oliva M. 1988a. The role of the Levallois method and the leaf points in the older phase of Moravian Upper Palaeolithic. // *Ěasopis Moravského Muzea*, LXXIII, pp. 3-13.
- Oliva M. 1988b. Poines foliacées et technique levallois dans le passage paléolithique mouen/paléolithique supérieur en Europe Centrale. // *L'Homme de Néandertal*, vol.8. La Mutation. ERAUL, 35. Liège, pp. 125-131.
- Otte M., Derevianko A. 1996. Transformations techniques au Paléolithique de l'Altaï (Sibérie). // *Anthropologie et Préhistoire*, 107, pp. 131-143
- Pawlikowski M. 1992. Analysis of tephra layers from TD-II and TD-V excavations. // *Temnata cave. Excavations in Karlukovo Karst Area. Bulgaria* /eds. Kozłowski J.K., Laville H., Ginter B./, vol.1, pt.1. Stratigraphy and environment. Archaeology of gravettian layers. Krakow, pp. 89-97.
- Sinitsyn A.A. 1991. Kostenki 14 (Markina gora). 1987. // *Le Paléolithique supérieur Européen (Bilan quinquennal 1986-1991)*. ERAUL, 52, Liège, pp. 3-6.
- Sinitsyn A.A. 1996. Kostenki 14 (Markina gora): data, problems, and perspectives. // *Préhistoire Européenne*, vol.9. Liège, p. 273-313.
- Svoboda J. 1984. Cadre chronologique et tendances évolutives du Paléolithique tchécoslovaque. Essai de synthèse. // *L'Anthropologie*, t.88, n. 2, pp. 169-192.
- Svoboda J. 1986. Origins of the Upper Paleolithic in Moravia. // *The Pleistocene perspective*, vol.1. The World Archaeological Congress. 1986. Southampton & London.
- Valoch K. 1976. Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice. // *Studie Archeologického Ústavu ĚSAV v Brně*, roč. IV, sv. 1. Praha.
- Valoch K. 1986. Stone industries of the Middle/Upper Palaeolithic transition. // *The Pleistocene perspective*, vol.1. The World Archaeological Congress. 1986. Southampton & London.
- Valoch K. 1989. The Early Upper Palaeolithic in the Eastern part of Central Europe. // *Anthropologie (Brno)*, XXVII, 2/3, pp. 89-91.
- Valoch K. 1995. Territoires d'implication, contacts et diffusion des sociétés du Paléolithique supérieur dans l'ancienne Tchécoslovaquie. // *L'Anthropologie*, t. 99, n.4, pp.593-608.
- Van Peer P. 1991. New observations about the Nile valley Middle Palaeolithic: Safaha method and lateralization of Levallois flakes. // *Paléorient*, 17/2, pp. 133-140.
- Van Peer P. 1998. The Nile Corridor and the Out-of-Africa Model. // *The Neanderthal problem and the evolution of human behavior. Special issue of Current Anthropology*, vol. 39, suppl., pp.115-140.
- Vermeersch P.M. 1988. The transition from the Middle to the Upper Palaeolithic in the Egyptian Nile valley. // *L'Homme de Néandertal*, vol. 8. La Mutation, ERAUL, Liège, pp. 241-249.
- Vermeersch P., Van Peer P. 1988. The Early Upper Paleolithic in Egypt. // *The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the near East* /eds. Hoffecker J.F., Wolf C.A./, BAR. International Series, 437. Oxford, pp. 1-22
- Vermeersch P.M., Paulissen E., Stokes S., Charlier C., Van Peer P., Stringer C., Lindsay W. 1998. A Middle Palaeolithic burial of a modern human at Taramsa Hill, Egypt. // *Antiquity*, vol.72, n.277, pp. 475-484.
- Villaverde V.V., Aura J.E., Barton C.M. 1998. The Upper Paleolithic in Mediterranean Spain: a review of current evidence. // *Journal of World Prehistory*, vol.12, n.1, pp. 121-191.
- Vishniatsky L.B. 1994. «Running ahead of time» in the development of Palaeolithic industries. // *Antiquity*, vol. 68, n. 258, pp.134-140.
- White R. 1982. Rethinking the Middle/Upper Paleolithic transition. // *Current Anthropology*, vol.23, n.2, pp.169-192.
- Yakimov V.P. 1980. New materials of skeletal remains of ancient peoples in the territory of the Soviet Union. // *Current Argument on Early Man* /ed. L.K.Konigsson/. Oxford, pp. 159-169.
- Zilhro J., d'Errico F. 1999. The chronology and taphonomy of the earliest aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction. // *Journal of World Prehistory*, vol.13, n.1, p.1-68.